

"Северный цветок"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

«Как же глупо и нелепо, о боги! — юноша в очередной раз взглянул на свои тонкие запястья, скованные надежными колодками, цепь от которых тянулась к ошейнику, украсившему его шею. — Лучше было броситься со скалы, или сигануть с моста, пока еще была возможность! А теперь... Только и остается ждать, как повернется судьба... Или все-таки попытаться что-то сделать?.. А если он не поверит?.. И еще великое множество если...»

Он уронил лицо в поджатые к груди колени и замер. Остальные рабы давно перестали обращать внимание на страдания юного собрата. Уже на третий день путешествия к границам далекого Ланмарка, стихли даже ужасающие юного пленника сальные шуточки о том, что с такой красотой, которой его наделили боги, ему, предназначенному в дар правителю величайшей империи, не плакать нужно, а радоваться собственному счастью.

Счастью... Когда-то он действительно был счастлив. В детстве. Окруженный любовью и заботой близких, кормилицы, воспитателей и прочих родительских слуг. Когда ему исполнилось восемь лет, отец, могучий конунг Норрдана, Харальд Ясноглазый, взял сына, достающего ему макушкой до пояса, за руку и ввел в зал, где пировали его соратники и гости, объявляя собравшимся, что в его замке растет новый принц.

— Взгляните на этого мальчика, соратники. Через несколько лет он станет одним из ваших предводителей, если не сгинет в первом походе. Поднимите кубки за счастливую судьбу моего третьего сына, Эйриха, благородные ярлы севера! — Харальд вскинул тоненькое тельце с длинными светлыми локонами над головой. — Не ахти какой крепыш еще, но жизнь его быстро закалит! Ингъялд, Снорри, займитесь его обучением на суше, а через пару лет отправится в первый морской поход с ярлом Сверриром Темногривым, — конунг дружески подмигнул молодому мужчине с ярко-голубыми глазами и буйной каштановой растительностью на голове, давшей прозвище предводителю данов.

Сверрир принял мальчика из рук отца и усадил к себе на колени, снял с мощной загорелой шеи ожерелье из серебряных блях, медвежьих когтей и моржовых клыков:

— Носи на удачу, конгер Эйрих. А добудешь первые трофеи, с тебя ожерелье на обмен! — Эйрих чуть не согнулся под тяжестью украшения, но Темногривый легонько ткнул его кулаком меж лопаток. — Держи спину ровно, будущий воин!

Мальчик очень старался не ударить лицом в грязь. Учился стрелять из лука и арбалета, отбивать стрелы мечом и щитом, метать кинжалы в цель, вскакивать на движущегося коня, разить цель из седла на полном скаку, учил названия кораблей и оснастки, и валился с ног под вечер после нелегкого обучения у двух лучших наставников отцовского ледунга. Через два года он заслужил право взойти на борт боевого дракара под бело-синим флагом ярла Сверрира и принять участие в своем первом морском сражении. Юный конгер помогал опытным викингам управляться со снастями и гасил просмоленные факелы, которыми забрасывали их корабль неприятели. В одиннадцать лет он убил своего первого оленя и волка на взрослой охоте. В двенадцать его впервые допустили на пир в качестве сотрапезника. Захмелевшие мужчины дружно приветствовали сына конунга и усадили на дубовую скамью между старшим братом, Эйнхардом, и наставником, Сверриром, который вскинул кубок, обращаясь к присутствующим:

— За Эйриха, за отважного и прекрасного конгера, сына Харальда и Гердрид, да будут к нему

благосклонны боги! — и залпом осушил свою чашу.

— Отважного — да, есть такое! — поддержал, не без гордости, Харальд. — А насчет прекрасного, ты, Сверрир, не заговаривайся. Или так глаза залил, что уже не помнишь, по какому поводу собрались?

Вокруг громко засмеялись несколько десятков мужчин, а Эйрих ощутил внезапный тревожный холодок меж лопаток — что-то насторожило юношу в словах и в тоне голоса отца... Он осторожно взглянул на Сверрира и тихим шепотом спросил наставника:

— Темногривый, чем конунг недоволен?..

— Сейчас узнаешь... — Сверрир, лицо которого запылало от вина и непонятого конгеру возбуждения, не глядя на него, обернулся к Харальду. — Как не помнить, повелитель! Я почту за честь породниться с твоим домом!

Правитель Норрдана объявил о помолвке ярла Сверрира и своей дочери, шестнадцатилетней красавицы Ирмелин. Тут же посыпались здравницы и поздравления со всех сторон, вино и пиво полилось двумя мощными потоками в луженые глотки.

Харальд сделал младшему сыну знак удалиться, когда в зале появились женщины.

Эйрих с облегчением покинул зал, где уже было трудно дышать, и уши закладывало от громкого мужского ора и визга служанок. Ему никогда не было любопытно подсмотреть за старшими воинами, картины безудержного веселья и откровенного разврата не прельщали подростка. Он предпочитал разбирать и листать старые книги на разных языках, сваленные в заброшенной башне. В тот вечер, искренне радуясь, что удалось избежать дальнейшего участия в пирушке, конгер направился в свое любимое книгохранилище. Вооружившись масляным фонарем, стал подниматься по широким пологим ступеням, уже предвкушая новую встречу с героями древних легенд и сказаний, когда услышал тяжелые и быстрые шаги за спиной. Сильная рука перехватила запястье с фонарем, другая рука крепко зажала рот. Мужчина задул фонарь одним резким выдохом, причем Эйриха обдало волной винных испарений и внутреннего жара. Он силился вырваться из крепких объятий и дотянуться до кинжала на поясе, но напавший держал слишком крепко. Тонкие косточки конгера похрустывали в медвежьем захвате.

— Тише, малыш, не вырывайся...

— Сверрир! Умом повредился — сзади нападаешь? Или это игра такая? — Эйрих доверчиво расслабился в знакомых руках и ему даже удалось повернуться лицом к наставнику. — Чего молчишь? И зачем факел загасил? Какая-то тайна?..

— Ох, маленький, везде-то тебе тайны мерещатся... — твердая ладонь, скользнув по спине и затылку, зарылась в длинные шелковистые волосы мальчика, другой рукой ярл привлек его к себе. Эйрих все еще видел в происходящем прелюдию к какой-то забаве, и даже предположил, что наставник хочет поделиться каким-то секретом:

— Темногривый, хочешь о сестре спросить? Так что я знаю? Вышивает целыми днями... Что ты делаешь?.. — он замер, ощутив руку ярла под своим плащом, сдвигающую в сторону ремень и поглаживающую его тело пониже поясницы сквозь тонкую ткань штанов. Он этого прикосновения по всему телу мальчика пробежал крупный озноб, будто на ледяном ветру. Когда же горячие губы ярла прочертили на его горле влажный след от уха до уха и впились в ямку у ключицы, Эйрих изумленно охнул, его лицо окатило волной жара, он напрягся в кольце

ласкающих рук:

— Сверрир... не надо... что ты?..

— Молчи, ты мой, слышишь? Мой... давно об этом дне мечтал... не могу больше сдерживаться!.. — Мужчина накрыл его губы своими, а его рука, справившись с пряжкой пояса, спустила льняные штаны конгера, нежно прошла меж ягодиц, поласкала гладкое бедро и подхватила снизу теплый тугой мешочек, перекатывая его содержимое между пальцев. Эйрих глухо застонал, у него подкосились колени, и закружилась голова, когда язык ярла проник в его рот, а пальцы сомкнулись вокруг впервые налившегося возбуждением органа. Он бы упал, если бы Сверрир не держал его крепко. Мужчина подхватил его ладонями под ягодицы и уложил на широкую ступень лестницы, склонился лицом к его животу. Самые чувствительные места мальчика опалило горячее дыхание, от которого встали дыбом нежные золотистые завитки на лобке. И в это мгновение темный пролет залил ослепительный свет нескольких факелов.

Эйрих не помнил, сам ли выплыл из блаженного дурмана, или его отрезвил гневный голос отца, и удар сапога по ребрам, от которого он сложился пополам и тут же закашлялся кровью. Рядом были старший брат и ярл Ингъялд с искаженными гневом и отвращением лицами. Четверо стражников едва удерживали в руках вырывающегося и осыпающего всех жуткой бранью и проклятиями Сверрира. Отпинав скорчившегося у его ног сына, Харальд несколько раз от души врезал Темногривому, сломав ему нос и выбив несколько зубов, и приказал заковать его и бросить в подземелье.

— Этого щенка туда же, только в другой угол, где крыс побольше! — впервые Эйрих видел ненависть в глазах отца.

Старший брат смачно плюнул ему в лицо и кивнул стражникам:

— Тащите эту тварь позорную, хватит пялиться!

Несколько дней он провел в ледяном каменном мешке на охапке соломы в абсолютной темноте, нарушаемой лишь блеском крысиных глаз и невыносимой резью света от факела стражника, приносящего кувшин с водой и кусок хлеба.

Он не задавал вопросов и почти не плакал. Он знал, что за порочную связь их со Сверриром ждала мучительная казнь. Но он ждал, что отец даст ему возможность объяснить происшедшее и поймет, что никогда прежде между ними с наставником не было подобной мерзости, и всему случившемуся виной опьянение ярла. А сам он... Вот тут мысли Эйриха путались, сердце начинало стучать быстро-быстро, и лицо заливалось краской стыда при одном воспоминании о том, как его тело реагировало на прикосновения мужчины, как плавилось его сознание, как сами собой закрывались глаза и опускались руки... Он не понимал, что с ним происходило — ведь с детства слышал о том, что нет ничего позорнее для мужчины, чем позволять себя лапать другим мужчинам, и что за такое отрывают хозяйство и оставляют истекать кровью на городской площади, а все, кому не лень, плюют в прелюбодеев, швыряют камнями, обливают помоями и нечистотами... Но отец смягчится, когда поймет, что это Сверрир внезапно схватил его в темноте, а сам он никогда даже в мыслях так отвратительно не грешил!

Но отец не понял. Даже не дал ему возможности объясниться. Несколько раз Эйрих слышал голос матери, умоляющей стражников пропустить ее к сыну, но воины конунга оставались верны приказу господина, не взирая на мольбы, угрозы и попытки подкупа со стороны несчастной женщины. Также юноша слышал их с отцом разговор:

— Гердрид, ступай к себе!

— Харальд, не будь таким зверем, позволь мне увидеть мальчика!

— Нет, — конунг выплевывал сухие жесткие слова, — это лишнее.

— Харальд... всеми богами заклинаю! — Эйрих слышал стоны матери, он знал, что она опустилась на колени перед высоким светловолосым воином и пытается заглянуть ему в глаза. — Это же и твой сын, не будь таким жестоким! Он еще дитя!

— Если бы ты видела, как это дитя извивалось от похоти под козлиной Сверриром, глупая женщина, ты сама бы прокляла день, когда произвела его на свет!

— Негодяй соблазнил бедного ребенка, или запугал его, а ты не позволяешь мне даже расспросить его, и сам ничего не желаешь слышать, — упорствовала жена правителя.

— И не пожелаю! Мне достаточно того, что видели мои собственные глаза. Этот ублюдок мне больше не сын. Хорошего воина и правителя никогда не выйдет из того, кто предпочитает отдаваться, как баба! Завтра он умрет.

— Нееет!!! — Эйрих зажмурился, словно от удара в сердце, столько боли и страха было в голосе матери. А его собственное сердце кипело от возмущения — как отец мог так о нем думать?!

— Уведите госпожу в ее покои и не выпускайте, пока все не закончится, — распорядился конунг, и его тяжелые шаги стихли наверху лестницы.

Эйрих прислушался к внутреннему голосу, противно подвывающему из глубин сознания, что не так уж отец и не прав, и доля его вины в происшедшем есть — он не оттолкнул Сверрира, не позвал на помощь, позволил ему увлечь себя в водоворот неизведанных ощущений...

Ему не было страшно при мысли о скорой смерти — этого учили не бояться с раннего детства, но было горько уходить с позором, тогда как настоящие мужчины просто обязаны были покрыть себя славой и погибнуть в бою, с оружием в руках, славя Одина и Тора!

Все, что он мог, это умереть с честью: выдержать назначенную кару без звука, хотя бы уйти достойно...

Площадь перед замком с рассвета была запружена народом так, что процессии, везущей приговоренных, было не проехать к эшафоту, и конунг распорядился выслать конных воинов, чтобы расчистили путь палачу и охране. Жители столицы готовы были голыми руками растерзать грешного ярла, в Сверрира бросались камнями, комьями мокрой земли, навозом и тухлыми овощами. Эйрих с изумлением видел, что к нему народ более благосклонен, в него не попадало ни одного позорного снаряда, а какая-то торговка даже заголосила: «Бедняжечка! Как же ты попался-то в лапы к этому соблазнителю?!», но на нее тут же прикрикнул муж, и женщина замолчала. Эйрих с пылающим лицом остановился у деревянного помоста, на который вывели жутко избитого, но гордо вскидывающего лохматую голову Сверрира. Мальчик и боялся и в то же время хотел встретиться с ним взглядом, чтобы попрощаться... и хотя бы понять, что же это было такое... Странно, но он не испытывал ненависти и отвращения к бывшему наставнику, погубившему его жизнь своей грубой выходкой. Жалость и сочувствие — да. И еще — Эйрих не верил собственным ощущениям — гордость за ярла, также решившего уйти с высоко поднятой головой!

Пока судья в длинной синей мантии зачитывал приговор, Сверрир рассматривал притихшую

толпу, демонстративно не глядя в сторону конунга и высшей знати на крепостной стене. При последних словах обвинителя он резко обернулся к Эйриху. Их глаза встретились: голубые, мятежные и насмешливые, и темно-синие, полные боли и смятения.

— Не бойся, малыш, это не страшно! И не сердись, что так вышло... глупо... я хотел сделать тебя счастливым!..

— Заткните ему пасть! — взревел Харальд. — Палач, чего ты ждешь?!

Толпа оживилась, засвистела и заулюлюкала, в приговоренного вновь полетели грязь и камни. Один из них попал Сверриру в глаз. Эйрих зажмурился, когда палач одним движением сорвал с ярла белый балахон смертника, выставив покрытого боевыми шрамами воина абсолютно обнаженным.

— Вы поглядите на этого бесстыдника — у него и сейчас стоит!

— А то как же — распалился при виде своего ненаглядного!

— Зато палачу сподручнее будет!

Эйрих открыл глаза в тот момент, когда исполнитель приговора ухватил Темногривого за внушительных размеров орган и мошонку рукой в стальной перчатке. Ярл Сверрир даже не вздрогнул, лишь вскинул разбитое лицо к серому предгрозовому небу и громко крикнул:

— Один, ты видишь бесчинства этих тупиц — отомсти за нас!

Меч палача отсек его плоть. Толпа взвыла при виде крови и жуткой бледности, разливающейся по лицу оседающего на помост мужчины.

Эйрих схватился рукой за горло, не в силах сделать вдоха и закричать от ужаса. А палач, согласно приговору, продолжил свое дело. Его помощник в таком же темном балахоне пристроил к обнаженному задку казнимого остро отточенный еловый кол. Палач отбросил в сторону меч и взялся за неподъемный с виду молот. Раскачал и широким махом вбил кол в поникшее тело. Сверрир был еще жив — он несколько раз содрогнулся, кровь хлынула изо рта, но он не издал ни звука. Толпа застыла в каком-то странном оцепенении.

Эйриха била крупная дрожь. Он не мог оторвать расширенных зрачков от ужасной картины. Почти над самой его головой прозвучал голос ярла Снорри Дикого, советника конунга:

— Клянусь предками, это уже слишком, Харальд!..

Палач ощупал тело казненного и взглянул на конунга:

— Он мертв, мой господин. Прикажешь продолжать со вторым?

— Постой... — Харальд поднял руку и, не глядя на сына, хрипло проговорил:

— Изуродуй ему лицо и отвези в приграничную пустошь. Выживет — пусть живет... А нет — на все воля богов! — и, круто развернувшись, покинул смотровую площадку на стене замка.

— Держите его крепче, — приказал палач и схватил безвольно обмякшего Эйриха за длинные волосы, поднял ему голову и несколькими быстрыми скользящими ударами кинжала исполосовал лицо юноши. Потом его, заливающегося кровью и захлебывающегося истерическими вскриками, впихнули в телегу, набросили сверху грубую рогожу и повезли вон

из города. Вскоре Эйрих потерял сознание от боли.

Спустя несколько недель он узнал, что солдаты бросили его не на вересковой пустоши, а вблизи приграничного селения, где его нашла собака пастуха. Ее хозяин отвез чуть живого мальчика к знахарю, который пришел в ужас от увиденного, но взялся выходить безвестную жертву. Эйрих пробыл в лихорадочном бреду несколько дней, а когда пришел в сознание, долго не мог ничего вспомнить и говорил с трудом, заикаясь и путаясь в словах. Старик знахарь ни о чем его не спрашивал, только менял пахнущие травами и медом повязки на его лице и отпаивал мальчика молоком с отварами, от которых немного стихала жуткая боль, и приходил долгий целительный сон.

Эйрих очень ослаб и исхудал. Вставать при помощи своего спасителя он начал только через месяц. Старик Огги выводил его на улицу, заставлял подставлять лицо солнечному свету и терпеть боль. Умывал его росой и особыми настойками из горьких кореньев, прикладывал к заживающим шрамам разогретую пасту из глины и меда, постоянно приговаривая:

— Люди жестоки, сынок, а боги милостивы, да и я не безруким родился... ты еще увидишь свое прежнее лицо...

Постепенно Эйрих вспомнил все, что с ним случилось, но говорить об этом не хотелось, да и израненные губы слушались плохо. Старик Огги задал лишь один вопрос:

— Как тебя называть, сынок?

— Как тебе угодно...

— Ну, стало быть, назову тебя Рори, так сына моего звали... он давно уж умер... а теперь вот ты появился...

Рори, так Рори, подумалось тогда мальчику. Аристократов так не называли, но теперь он был никем, безродным нищим, бездомным бродягой вне закона.

Немного окрепнув, он начал помогать старику Огги по хозяйству. Знахарь только посмеивался, видя, как из непривычных к труду тонких рук подростка валится посуда, как он неловко подметает полы и пытается разжечь огонь в печи. Зато новоявленный помощник отменно управлялся с топором, рубя дрова, и умело расставлял силки на птиц и зайцев. С наступлением осени он начал выходить в лес на охоту и часто возвращался с подбитым оленем, или лисицей. Старик продавал шкуры убитых животных и учил Рори заготавливать мясо впрок. Долгими зимними вечерами он рассказывал мальчику о ремесле знахаря, о тайных свойствах трав и кореньев, древесной коры и наростов, целебных и ядовитых грибах и ягодах. Рори оказался не только умелым охотником, он умел читать и писать, и старик Огги часто поручал ему переписывать рецепты из старинных трактатов по врачебному искусству. Весной наступило время показать ученику, где и как собирать дары природы, как правильно сушить и хранить их. С применением он знакомился чуть ли не ежедневно — к старику Огги постоянно наведывались за целебными средствами от ломоты в спине и ногах, от зубной боли, расстройства желудка и болотной лихорадки. Знахаря частенько звали к роженицам. Бесплодные, или истекающие кровью женщины приходили под покровом ночи в его хижину. Заливаясь краской и путаясь в словах, наведывались и мужчины, утратившие силу и желание. Старик Огги помогал всем, и почти всегда его лечение оказывалось успешным. А юному ученику он объяснял, что дело не столько в целебных свойствах трав и препаратов, люди сами способны себя вылечить одной лишь силой убеждения и веры в силы врача. Так Эйрих постигал азы человеческих тайн и желаний. За пять лет он научился разбираться в

простейших и довольно сложных движениях душ, иногда мог с точностью сказать, о чем думает тот или иной человек, или готов был предсказать скорые действия очередного пациента. Старик Огги не мог нарадоваться на сообразительного и способного ученика. И лишь одно не удавалось мудрому знахарю — он так и не смог убедить Эйриха взглянуть на себя в зеркало. За все эти годы юноша ни разу не видел своего отражения. Даже купаясь в лесном озере, или спускаясь напиться к реке, он крепко зажмурился, панически боясь увидеть следы страшных шрамов. И собственное лицо. Он пытался забыть собственное имя, твердя как молитву: «Эйриха больше нет. Он умер. Теперь я Рори». Но некуда было деваться от снов, в которых конгер Эйрих был жив, смеялся, охотился, учился танцевать, примерял красивую одежду, выбирал оружие и сражался с высоченными наставниками в дорогих доспехах... Эти сны были мучительным мостом в прошлое, которое юноша всем сердцем старался забыть.

По истечении пятого года его пребывания в доме Огги, за знахарем и его помощником прибыли из приграничного замка ярла Олафа Твердолобого. Командир небольшого отряда рассказал, что его господин жутко мучается с большим зубом, распухла половина лица, он не может есть и пить, говорит с трудом, и требует приезда Огги.

* * *

— Скорее всего, помочь мы ему не сумеем, лишь отсрочить конец, — шепнул по дороге знахарь, — с этими надутыми аристократами всегда так — обращаются ко мне в последнюю очередь, когда умники разные, в шелка ряженные, уже разводят руками, содрав с них побольше серебра!

— Учитель, ты думаешь, ярл Олаф умрет из-за этого зуба? Зачем же едешь?..

— А кто меня спрашивал, что я думаю... Ноги бы живыми унести, ежели что... вот о чем думаю, сынок!..

Пока старик Огги осматривал больного, издающего жалобные стоны и отвратительный запах гнилой плоти, Эйрих держался подальше от ложа под балдахином, за спинами домашних и прислуги ярла. Обернувшись, чтобы взглянуть за окно, он случайно встретился взглядом со стоящим совсем рядом красивым юношей с пышными волнистыми пепельными локонами, небрежно отброшенными назад и разметавшимися по широким плечам. С сильно загорелого лица с идеально правильными линиями носа, бровей и губ на него смотрели внимательные, немного отстраненные, изучающие глаза глубокого синего цвета, обрамленные очень длинными и густыми темными ресницами, выгодно контрастирующими с сиянием светлых волос и теплым мерцанием гладкой загорелой кожи. На красиво изогнутых, по-юношески пухлых и нежных губах застыла едва различимая улыбка, причем один уголок губ был немного выше другого, что, вместе с легким прищуром век делало лицо слегка надменным. Но так и положено выглядеть знатному молодому человеку. Эйрих сделал шаг в сторону, чтобы пропустить юношу — сына, или родственника ярла, к ложу отца. Юноша повторил его движение.

— Простите... — Эйрих отступил в другую сторону. И вновь повторилось то же самое.

Загорелое лицо заметно побледнело и покрылось мелкой испариной, неумолимо приближаясь к лицу пораженного Эйриха, пока он не уткнулся носом в холодную гладкую поверхность зеркала.

«Не может быть, чтобы это был... я!» — он помнил себя подростком, почти ребенком, невысоким и более упитанным, а из сверкающей глади на него смотрел подтянутый

семнадцатилетний красавец. Он уродливых шрамов остались тонкие, словно паутина следы, едва различимые на гладкой поверхности щек и век. Один из них, пересекающий нижнюю губу и подбородок, был более широким и четким, он виднелся беловатым штрихом, и едва заметно искажал совершенство линии рта, заставляя губы кривиться в этой неестественной не то улыбке, не то гримасе.

Старик Огги сотворил чудо с его лицом. Но ярла Олафа спасти не смог.

А в ночь мучительной кончины хозяина замка на укрепленную приграничную крепость напал большой отряд ланмаркских воинов. До знахаря и его ученика доходили слухи о победоносных походах армии Ланмарка, покорившей половину соседней с Норрданом Белгики. По всему выходило, что завоеватели продвинулись гораздо дальше.

Замок был взят после семидневной осады. Все, оказавшиеся внутри крепости, были объявлены пленниками принца Манфреда, брата императора Конрада, за последние семь лет ставшего чуть ли не повелителем всего континента. Знатным пленникам было предложено написать родным и банкирам, чтобы выкупиться из плена. Слуг и прочих простолюдинов, в число которых входили и знахарь с учеником, объявили рабами Манфреда.

В первые же сутки заточения в подвале старик Огги тихо сказал Эйриху:

— Я слышу, как по моим следам крадется смерть. Скоро меня не станет, сынок...

— Учитель!.. — Юноша стиснул холодную костлявую ладонь старика.

— Тише, тише, не шуми... я знаю, что говорю, Рори... да и сам ты это чувствуешь, хотя и боишься признаться себе, назвать простую вещь своим именем... Скоро ты останешься один... но я за тебя спокоен, мальчик... я многому успел научить тебя, а чему я не успел, научит жизнь... так уж она устроена... А ты устроен так, чтобы впитывать ее науку, подобно губке... И помни, что ты гораздо сильнее, чем кажется тебе самому!

Под утро старик Огги начал задыхаться, и Эйрих поднялся с соломенного настила, чтобы кликнуть стражника и попросить воды. А когда вернулся назад, на него смотрели застывшие навсегда выцветшие глаза учителя.

Так Эйрих снова остался один.

Ближе к вечеру в подвал замка спустился закованный в сверкающие латы молодой рыцарь с надменным и хмурым выражением мясистого лица, будто обваренного кипятком. Его сопровождали несколько рыцарей и оруженосцев, и Эйрих догадался, что это сам принц Манфред явился взглянуть на своих новых рабов и отдать распоряжения относительно их судьбы.

Брат императора Ланмарка отобрал для работы в своих замках несколько самых рослых и сильных мужчин, стариков и пожилых слуг приказал управляющему сбыть на торгах, чтобы не тащиться с ними через всю страну. Юношей и подростков роздал своим приближенным, сопровождая сие действие самыми непристойными комментариями и пожеланиями. Слушая его, Эйрих заливался краской гнева и отвращения. И дрожал всем телом, ожидая своей очереди...

— Эй ты, лохматая образина, вылезай из своего угла! — управляющий принца поманил его рукой, вынуждая подняться и выйти на свет.

— Ого!.. Факелы повыше! — скомандовал принц Манфред, делая шаг в направлении неподвижно застывшего юноши. — Клянусь богами предков, ради этого прекрасного экземпляра стоило убить на этот никчемный дряхлый замок целых семь дней! Почему ты опускаешь глазки, моя прелесть? Я желаю знать, какого они цвета... — принц поднял лицо Эйриха рукой в стальной перчатке. — Изумительный северный цветок... Райнерий, отправь его в мои покои. Вымыть, расчесать, накормить и одеть в приличную одежду!

— Да, мой господин, — управляющий потянул Эйриха за рукав рубахи.

А окружающие принца рыцари захохотали в голос:

— Одевать-то зачем?

— А нашему государю нравится возиться с ленточками и застежками!

— О да, заводит похлеще старого вина!

— Интересно, а этот прекрасный истукан понимает нашу речь?

— Наверяд ли, мой принц, он похож на коренного дана, а они все тупые, словно свиньи! — Райнерий подтолкнул скованного ужасом и отвращением юношу к выходу.

«Хотел бы я быть таким, как вы говорите, мерзавцы: тупым, ничего не понимающим и не чувствующим...» — в детстве он прочел много книг из Ланмарка: древних легенд и сказаний о странствиях отважных рыцарей, укротителей драконов и магов-злодеев, о любви прекрасных дам и страданиях юных оруженосцев и трубадуров, обреченных на безответные чувства к благородным королевам и принцессам. Но он и представить себе не мог, что рыцари юга окажутся похотливыми бесстыдниками и извращенцами, готовыми превратить свободного человека в раба и дешевую забаву!

Пока его мыли и приводили в порядок, Эйрих затравленно озирался в бывших покоях ярла Олафа в поисках хоть какого-нибудь оружия, чтобы немедленно расстаться с жизнью и прекратить этот кошмар. Но его изменчивая судьба и на этот раз преподнесла сюрприз.

Манфред явился в свои покои не один. Его сопровождал невысокий старик в жреческой мантии со сверкающим орденом на груди.

— Юноша и впрямь великолепен!.. — жрец чуть не захлопал в иссохшие ладоши. — Тем паче тебе не следует идти на поводу у своих животных инстинктов и совершать глупую ошибку, дорогой племянник!..

— Дядя, я бы не хотел обсуждать свою личную жизнь... — Принц побагровел до самой шеи, делаясь похожим на поросенка.

— Меня твоя личная жизнь не занимает, молодой повеса, — ворчливо ответил старик, — пока она не мешает делу... А этот мальчик столь хорош, что его грех не использовать в наших целях!.. — старик выразительно прищурился. — Найди себе другую игрушку, а его отправь во дворец!

— Дядя, почему ты считаешь, что он обратит внимание на этого дана? Мальчишка красив, но не настолько, чтобы Конрад увлекся им после того красавца!..

Эйрих замер с опущенной головой, и весь обратился в слух, а дядя с племянником продолжили

свою занимательную беседу, нимало не смущаясь его присутствия.

— Да потому, дурья твоя голова, что твой братец давно уже мается от скуки и тоски, и никак не может найти себе достойный объект для обожания...

— А как же эта напыщенная бездетная сука, наша императрица? Конрад уже пресытился своей бесподобной супругой?! — искренне изумился принц.

— Милый племянничек, тебе почаще нужно бывать в столице! — усмехнулся старик. — Если ты хочешь добиться большего, чем управление покоренными странами, нужно держать руку на пульсе событий, как явных, так и тайных...

— Для этого есть ты, уважаемый монсеньор де Борнейль! — Манфред картинно изогнулся в шутовском поклоне, и, приблизившись к юноше, несколько раз обошел вокруг него. — Мда... определенно жаль не отведать столь лакомого блюда... но ставка и впрямь высока... я подарю его своему обожаемому братцу и вскоре сам наведаюсь во дворец, чтобы полюбоваться кислой рожей леди Марион! — он оглушительно расхохотался собственной шутке и хотел было похлопать Эйриха по щеке, но юноша отпрянул назад.

— А он еще и дикий!

— Ты проследи, чтобы не сбежал! По одежде он нищий, а по виду горячих кровей... — задумчиво пробормотал старый жрец.

— Поедет навстречу своему счастью в цепях и колодках, — деловито заявил принц и крикнул командира охраны. — Забирай этого красавчика. Заковать по рукам, ошейник на горло, только без шипов! И цепи чтоб были прочные, но не слишком тяжелые. И следить, чтобы не повредили кожу — этого раба я преподнесу в дар императору!

— Да, мой господин, не тревожься, все сделаем, как ты приказал.

Уже покидая покои принца, Эйрих услышал еще одну интересную фразу старого жреца.

— Жаль, что счастье у них будет недолгим...

— Ну что ты такое говоришь, дорогой дядюшка? Пусть Конрад насладится в полной мере и привыкнет к нему... а уж потом отправим это произведение богов вдогонку к тому, первому любовничку...

Эйрих внутренне содрогнулся, но ничем не выдал себя. Всю долгую дорогу от замка Олафа Твердолобого до ворот Коронного замка Ланмарка он вспоминал этот разговор, приоткрывший ему завесу чужой тайны, и гадал, как же ему распорядиться этим знанием...

Под властью мертвеца

Прошло полгода с того дня, как Эйрих впервые ступил на порог Коронного замка Ланмарка, но всякий раз, проходя мимо подножия беломраморной лестницы, ведущей в Тронный зал, он невольно замирал на полушаге, и терпкий озноб сковывал его губы и все члены — от пережитого волнения и унижения. И от восхищения увиденным...

Вот и сейчас, направляясь привычной дорогой от своих скромных покоев в первом ярусе замка, через бесчисленные солнечные дворы-колодцы с искрящимися фонтанами, прекрасными статуями и бассейнами, выложенными цветной галькой, через цветущие сады с разноцветными

дорожками и золотыми птичьими клетками, развешанными на искусственных ветвях деревьев из серебра и нефрита, к месту своей службы, юноша замедлил шаг, всматриваясь издали из-за массивных колонн главного двора на убегающую ввысь Лестницу Тысячи ступеней — произведение древних мастеров, создавших прекрасный замок на горном плато над морем... В тот памятный день — памятный не злобными пинками стражи и не долгожданным освобождением от оков, не унижительным осмотром, который устроил ему худой бородатый старик — лекарь высшего сана, и даже не блаженством от купания в теплой ароматной воде огромного бассейна и услугами опытного и аккуратного цирюльника, приводившего в порядок его роскошную шевелюру и огрубевшую от солнца кожу, не суетливым вниманием портных и рабов, поспешно одевавших и обувавших его в странные легкие одеяния из тонкой скользящей ткани и невероятного вида обуви из тончайших ремешков выкрашенной в алый цвет кожи теленка... Память Эйриха сохранила не всю эту чепуху, но она сберегла для новых удивительных снов яркость и синеву небес над огромным замком-лабиринтом, в сравнении с которым замок его предков казался жалкой конюшней, нечеловеческую высоту стен, увенчанных ажурными башнями, фантастическую длину галерей и переходов, будто парящих в пространстве на своих точеных ногах-колоннах из розового мрамора, огромные соцветия одуряюще пахнущих цветов-вьюнков, карабкающихся по стенам и виадукам, нежное журчание искусственных водопадов в выложенных самоцветами беседках — гротах со скамьями для отдыха. И, конечно же, памятный миг, когда он впервые ступил на гигантскую, залитую солнечным сиянием лестницу, украшенную сотнями статуй с факелами в поднятых к небу руках, и ведущую в огромных размеров каменный зал с нежно-зелеными стенами и мозаичным полом, заполненный людьми в столь кричащих и откровенно бесстыдных нарядах, что щеки Эйриха, до того бледные от волнения, окрасились румянцем. Мужчины и женщины всех возрастов с открытыми выше колен ногами, в полупрозрачных, а то и вовсе не скрывающих их тел одеяниях, увешанные золотом и сверкающими камнями, с распущенными, или собранными в замысловатые прически, в основном, темными волосами, откровенно рассматривали его, идущего вслед за горделиво вышагивающим по блестящим плитам принцем Манфредом, которому они низко кланялись и осыпали его приветствиями, как величайшего полководца империи.

Наконец это бесконечное шествие за пропахшим потом рыцарем в сверкающих доспехах, и необходимость смотреть в его багровый бычий затылок закончились у подножия трона, возвышающегося над замолчавшей вмиг толпой придворных, подобно кораблю, воздетому на гребне пенной волны — белый мрамор подножия, синий ковер с золотыми узорными кантами по краям, массивные львиные лапы опор, подлокотники в виде туго скрученных морских раковин, изрыгающих потоки золотых вод, точеные смуглые пальцы, украшенные огромными сапфирами и рубинами в изысканной оправе, столь же загорелые, странно безволосые ноги в сандалиях из золоченой кожи, край багряной, словно свежая кровь, туники, широкий пояс, охватывающий сильное, жилистое тело молодого мужчины на троне... Эйрих не смел, да и не хотел поднять глаз, чтобы взглянуть в лицо правителю этого мира, игрушкой которого его намеревался сделать ненавистный захватчик, соловьем разливающийся у престола — он де и любит, и почитает своего старшего брата наравне с богами, если не больше! И всю непокорную Белгику он скоро бросит к его ногам! Он заставит тупых варваров лизать подошвы богоравного Конрада, величайшего из правителей во всей истории!.. Из уважения к коему он, верный солдат и первый подданный короны Ланмарка, даже не притронулся к прелестному и невинному юноше-рабу, которого преподносит в дар своему великому брату! — вот так, открыто, перед всеми! — Эйрих чуть не задохнулся от ярости и боли, его низко склоненное лицо вспыхнуло темным румянцем. Он желал бы провалиться в самую глубокую из тех пропастей, что отделяют неприступное замковое плато от всего света, лишь бы не быть выставленным на всеобщее обозрение перед этой безумной развратной толпой и их отвратительным господином!

— Возможно, ты хорошо обращался с этим несчастным, дорогой братец, но вполне очевидно, что юноша не в себе от волнения и переутомления. Как его зовут? — голос с вершины оказался отнюдь не громоподобным и не грубым, скорее приглушенно-усталым и чуть хриплым.

— У него неприглядное варварское имя, государь. Я решил назвать его Эйвиндом, — самодовольно заявил принц Манфред, который прежде не интересовался именем пленника.

— Вот как? И он отзывается? Эйвинд, можешь не смущаться и поднять взгляд, — продолжил Конрад после минутного молчания, во время которого Эйрих чувствовал на своем лице его изучающий взгляд...

«Ну что же, когда-то это все равно должно случиться...» — он на мгновение прикрыл веки и тут же распахнул их, гордо выпрямился — будто бросился в пропасть!

Император Конрад оказался смуглым черноволосым мужчиной лет тридцати, весьма красивым на благожелательный взгляд, но полный тревоги мозг Эйриха отметил лишь общие черты: крутой высокий лоб, густые брови и ресницы, темные пронзительные глаза, окруженные глубокими тенями усталости или болезни, твердый рот, жесткие очертания носа, скул и подбородка. Он, не мигая, смотрел на юношу, и невозможно было понять, находит ли он юного раба привлекательным, или же нет...

Взгляд похожего на черного ястреба мужчины, замершего справа у трона, был куда более настороженным. От всей его фигуры веяло мощью и опасностью. Эйрих догадался, что это и есть глубоко ненавидимый Манфредом и его коварным дядей глава императорской гвардии и лучший друг Конрада, граф Бертран де Вер, преданный правителю Ланмарка душой и телом с самого детства.

«Хвала богам, что он есть у него, а иначе бы эти негодяи давно свели императора в могилу и захватили престол...» — подумалось тогда юноше под пристальным взглядом первого советника и командира охраны.

Принц Манфред явно забеспокоился, видя затянувшиеся «смотрины».

— Дорогой мой брат, неужели я не угодил твоему вкусу?!..

Конрад и граф де Вер бегло переглянулись, и вновь невозможно было понять, что означала эта немая сцена: правитель искал одобрения или поддержки, спрашивал совета, быть может? Эйрих насторожился и весь внутренне сжался. Двор затаил дыхание — как же! такое зрелище разворачивается у них перед глазами!..

И в абсолютной тишине огромного зала вдруг прозвучал полный гнева и презрения голос молодой женщины:

— Император в восторге от вашего подарка, милый братец!..

Эйрих машинально обернулся — слева от трона, на меньших размеров мраморном помосте, который он даже не заметил сперва, восседала в окружении шести придворных дам, закутанная в переливающееся одеяние молодая прекрасная женщина — в точности такая, какими юный дан привык представлять себе загадочных и изысканных дам юга: тонкокостная, изящная, словно лань, с огромными черными глазами и сочными губами, с короной из сияющих золотисто-багровым глянцем волос.

— Леди Марион, как всегда, права, — едва заметная улыбка промелькнула на губах Конрада,

открыв на мгновение ряд белоснежных крупных зубов, — я весьма доволен твоим подарком, дорогой Манфред!

«О боги, нет!!!» — хотелось воскликнуть Эйриху — он в тайне надеялся, что гнев супруги императора послужит ему надежным щитом, что сейчас произойдет чудо, и правитель Ланмарка прикажет брату убираться вон со своим подарком...

— Но мы так и не услышали от этого северного красавчика ни единого слова, принц, — насмешливо заметил граф де Вер. — Неужели ты приказал вырвать ему язык? Эй, юноша, тебе нравится мысль жить во дворце? — вновь он смотрел прямо на Эйриха, но глаза его при этом не улыбались...

— Боюсь, сиятельный граф, он еще не скоро заговорит — эти даны на редкость тупой и упертый народец, и кроме собственного варварского наречия вы от них ничего не услышите, но зато какова стать! — глумливо осклабился брат императора, делая выразительный жест рукой, призывая всех собравшихся вновь оценить внешность юноши.

— Выходит, он нас не понимает?.. — задумчиво пробормотал Конрад, с видимым облегчением отворачиваясь от разгневанной супруги. — Что же, тем лучше и весьма кстати... недавно мы потеряли хранителя Гробницы... и этот молчаливый юноша, если проявит достаточное усердие, займет его место! — Конрад поднялся, и озадаченный его словами Эйрих смог по достоинству оценить внешность своего нового господина — ростом и статью Конрад Ланмаркский не уступал ярлам его далекой родины, с той лишь разницей, что тело его не было телом воина, но атлета, упражняющегося в спортивных состязаниях, плавании и охоте. На обнаженных до локтей смуглых руках, широкой груди и ногах, прикрытых туникой до колен, Эйрих не заметил ни единого шрама.

— Однако ты ему понравился, государь, — хохотнул граф де Вер, спускаясь с тронного возвышения. — Смотри, как глазеет!..

— Бертран, довольно... я принял решение и не намерен его менять! — сталь прозвенела неожиданной нотой в прежде бесстрастном голосе императора, стирая улыбки с лиц придворных, и вызывая гримасу искренней досады на мясистом лице Манфреда.

— Ну-ну, братец, не огорчайся, — Конрад хлопнул принца по плечу, — я оценил твое желание доставить мне удовольствие! Но на сегодняшний день мне важнее найти нового хранителя, нежели новую подстилку! — последнее слово вновь обожгло щеки Эйриха краской стыда, но в то же время выходило, что боги услышали его молитвы, и ему не придется ни ублажать чужеземца, ни бросаться в пропасть — его ждет иное испытание в виде рабской службы в этом огромном замке...

«Но я рожден не для того, чтобы сметать пыль с заморских гробов!» — хотелось крикнуть в спину удаляющейся фигуре с золотым обручем в темных волосах.

А у принца Манфреда чесались кулаки до полусмерти избить глупого никчемного раба, у которого не хватило ни красоты, ни обаяния, чтобы заинтересовать императора!..

— И ради этого я тащил тебя через полконтинента?!.. — он злобно сощурился и уже поднял руку, чтобы отвесить Эйриху пощечину, но юношу внезапно загородила высокая мощная фигура графа де Вера.

— Принц, тебе не подобает поднимать руку на собственность нашего повелителя...

— Да как ты... я... да, да, этот подарок... глупо... — пробормотал Манфред, отступая, и держась рукой за налившуюся краской шею со вздувшимися венами.

«Чтоб тебя разбил удар прямо здесь!» — от всей души пожелал ему Эйрих.

— Идем со мной, Эйвинд, или как тебя там, — поманил его рукой друг императора, выводя юного дана из тронного зала на широкую открытую галерею, опоясывающую замок.

Эйрих замер перед открывшимся его взгляду великолепием: далеко внизу, на вершинах пологих гор, располагались замки местной знати с разноцветными крышами и развевающимися на соленом ветру флагами. На склонах с богатым разнотравьем паслись огромные стада и табуны. По широким ровным дорогам, разбегающимся в разные концы света причудливыми серпантинами, неспешно двигались груженные товаром караваны, а к воротам столицы, также оставшейся далеко внизу, на холмистой равнине, приближались чуть отставшие отряды победителей с богатой добычей.

— Любуешься нашей землей, северянин? — усмехнулся граф, не ожидая ответа, но чуть задержался у резного парапета ограждения, сам невольно шире распахивая глаза и втягивая чуткими ноздрями напоенный солнцем и всеми ветрами воздух.

Эйрих, чей взгляд был прикован к невообразимой морской глади, расстилающейся на юге от замка, почувствовал прилив крови к сердцу и пару глухих ударов о ребра, возвестивших: «Сейчас, или никогда!»

— Господин граф, императору грозит опасность... умоляю, сделайте вид, что не слышите меня — для людей, замысливших предательство, я просто неотесанный чурбан, который присутствовал при их разговорах, но не мог их понять... — Эйрих все так же, не отрываясь, смотрел на гигантские серые волны с белыми гребнями, накатывающие валами на широкие песчаные отмели побережья с живописными зелеными бухтами и покачивающимися на воде кораблями со спущенными парусами, но всей кожей он ощущал изумление и напряжение во взгляде замершего рядом мужчины, и продолжал свое едва слышное и торопливое признание на почти правильном языке ланмаркцев — таком, какой он усвоил из их книг.

Граф де Вер слушал его молча, мрачней лицом с каждым сказанным юношей словом, и сильнее стискивая ладонью рукоять длинного тяжелого меча. Когда Эйрих закончил рассказ просьбой не выдавать его знание окружающим, друг императора опустил на его плечо тяжелую горячую ладонь:

— Следуй за мной... и ничего не бойся!

В пути по бессчетным переходам и залам, одному другого краше, де Вер беззаботно перешучивался с придворными, отвечая на игривые замечания и откровенно похабные шуточки вояк, прибывших с принцем, относительно того, в каком обществе они видят монсеньора Бертрана. Но, едва войдя в прохладный сумрак богато и в то же время изысканно убранных внутренних покоев за охраняемыми дверями, граф отбросил свою сдержанность и громко позвал:

— Конрад, скорее сюда!

Император появился слева из-под ажурной деревянной арки с бокалом вина в руке. При виде Эйриха он удивленно воззрился на друга. Граф молниеносно выбил посуду у него из рук.

— Опять — без пробы?! Ты слишком доверчив к негодьям! Послушай только, что говорит этот

юноша! А ты повтори слово в слово, что сказал мне на галерее!

Эйрих без запинки повторил свой рассказ, хотя волнение не оставило его — у него было такое ощущение, что он все-таки бросается с головой в жуткую пропасть, доверяя этим чужакам свою жизнь, спасая их...

— Теперь-то ты мне веришь?! И будешь хоть чуточку благоразумнее и осторожнее?! — Бертран де Вер тряс за плечи потерявшего дар речи, растерянного императора.

Но, вопреки пониманию Эйриха, отнюдь не предательство ближайших родственников так поразило царственного льва. Оттолкнув друга, он повернулся к юноше и побелевшими от гнева и напряжения губами прошептал, а скорее прохрипел:

— Так, Динео был убит?.. Невероятно... Ты уверен, что понял правильно?..

— Динео?.. — Эйрих взглянул на графа, и тот подсказал: «Возлюбленный Конрада...»

— Да, государь, я уверен, что все расслышал и понял верно!

— И они смеялись при этом?.. Сговариваясь погубить и тебя, если ты займешь его место?.. — в черных зрачках императора плескались боль и отчаяние.

Эйрих едва выдерживал этот взгляд безумца, но не опустил головы, повторяя:

— Да, я уверен, что эти двое намереваются причинить тебе не только вред, но и еще более сильную боль...

Мгновение Конрад смотрел на него своим жутким застывшим взглядом и внезапно разразился громовым хохотом, от которого у юноши по всему телу пробежал озноб:

— А я не доставлю им такой радости! Я больше не чувствую боли! Потому что я умер! Я умер вместе с Динео!!! — он согнулся пополам, захлебываясь собственным смехом, от которого дрожали стены.

Граф де Вер попытался зажать ему рот рукой, но безуспешно — император метался по своим огромным покоям в накотившей истерике, выворачиваясь из крепких объятий и не слушая друга.

Взгляд Эйриха упал на кувшин с водой и льдом. Он схватил его, подскочил к Конраду и выплеснул содержимое прозрачного сосуда прямо в лицо правителю, облив и руки графа заодно.

— Простите, но так в моей стране приводят в чувство бесноватых и застигнутых горем...

Император застыл неподвижно, затем фыркнул, отплевываясь от воды, граф молча подал ему сухое полотенце, взятое с накрытого для легкой трапезы столика, коротким взглядом выражая одобрение внезапному поступку юноши и успокаивая его самого.

— Итак... что ты позволишь мне предпринять?..

Конрад отбросил полотенце и остановил друга и советника жестом руки:

— Позже... — затем он обернулся к Эйриху, — я должен поблагодарить тебя, юноша... — глаза мужчины больше не сверкали безумием, они вновь казались двумя бесстрастными темными

омутами, — Эйвинд, да?..

— Пусть — Эйвинд, мне все равно... — бывший конгер глубоко вздохнул, отступая назад, осознав, что расстояние между ним и правителем мира составляет всего пару шагов. — И не стоит благодарности, государь, я поступил так, как должно, и только.

— Ты имеешь представление о законах чести, — император снял с пальца массивное кольцо с желтым, словно глаза зверя в темноте, большим овальным камнем, — носи мой дар в память об этом дне, и если тебе самому когда-нибудь понадобится помощь...

Эйрих отступил еще на шаг, загоразживаясь обеими руками от протянутой на ладони драгоценности.

— Нет, нет, государь, я не могу это принять... если ты, конечно, не хочешь погубить меня...

Граф де Вер кивнул:

— Действительно, Конрад, юноша прав — нельзя давать им понять, что он вообще был здесь, и что удостоился твоего внимания! Отблагодари его как-то иначе, повелитель, когда все закончится...

— Да, это разумно, — согласился правитель, возвращая кольцо на место, — а пока что сделаем вот что, — он подошел к высокому деревянному бюро, взял лист светлого пергамента и перо с причудливым переливчатым оперением, каких Эйрих прежде ни разу не видел, и написал несколько слов, затем передал лист другу. — Как тебе такое решение?

— Совсем другое дело! — улыбнулся граф. — И, главное, ни у кого не вызовет подозрений, что ты не пожелал видеть раба хранителем Гробницы!.. — он, в свою очередь, передал пергамент юноше. — Это твоя свобода, храбрец. Если пожелаешь, можешь в любой момент вернуться на родину. Или остаться здесь и верно служить нашему господину, достойному и не такой преданности! Тебе решать...

Под изучающими и внимательными взглядами двоих мужчин Эйрих слегка растерялся.

— Я не знаю, что и сказать...

— Сейчас тебе нужно отдохнуть, выспаться, и постараться забыть обо всем, чему ты стал невольным свидетелем, — грустно улыбнулся император, — позже решишь... И спасибо, что не побоялся заговорить!.. Бертран, выведи его незаметно и позаботься, чтобы юношу хорошо устроили.

Эйрих остался во дворце и вскоре приступил к обязанностям хранителя Гробницы Динео — прекрасной беломраморной усыпальницы покойного фаворита, предмета неусыпной заботы и внимания правителя Ланмарка. Бывший конгер, который вот уже второй раз в жизни невольно сменил имя, и теперь звался Эйвиндом, вскоре перестал даже опасаться за собственную жизнь — принц Манфред через месяц отбыл в новый победоносный поход, а их с императором дядя отправился в свой замок, расположенный на острове, в трех днях морского пути от столицы. Сам же Эйрих делал вид, что с трудом постепенно привыкает к новому для себя языку и новому миру вокруг. Последнее не было неправдой.

Доброжелательный и степенный мажордом двора ввел нового хранителя в круг его обязанностей, а любезные и предупредительные мальчики-пажи в течение первых дней службы неизменно сопровождали Эйриха от его комнат до витой решетки, ведущей на мост,

соединяющий замок с Гробницей, выстроенной на отвесной скале над морем, и окруженной стройными кипарисами и ажурными соснами. Никто, кроме императора и хранителя не мог вступить на этот мост. Даже граф де Вер, теперь неизменно сопровождающий повсюду своего друга и повелителя, оставался по ту сторону ворот, терпеливо ожидая императора, который мог часами грезить о несбыточном, прижавшись лбом к каменной крышке саркофага, или безмолвно глядя на статую прекрасного длинноволосого юноши с задумчиво склоненным лицом и точеным телом. Эйрих слышал от придворных и слуг, что скульптор ничуть не приукрасил достоинства покойного — Динео, сын одного из советников императора, покоривший сердце Конрада, и проведенный рядом со своим повелителем пару счастливых лет, погиб при загадочных обстоятельствах в возрасте двадцати лет и в расцвете своей красоты...

Также Эйрих узнал историю сватовства принца Манфреда к прекрасной леди Марион, с которой был помолвлен с детства — принцу отказали в угоду его старшему брату, чья невеста внезапно умерла от болезни легких, и Конрад решил вступить в брак с невестой брата, представительницей наиболее знатного из родов государства. Младший брат искал забвения в войне — это Эйрих еще мог понять, но ненависть всегда вызывала в нем негодование — сам он так и не научился ненавидеть, не взирая на все удары судьбы.

Сложнее было понять мотивы дяди императора, толкавшие его к предательству, но и здесь все складывалось в логичную и более или менее ясную картину — из обрывков чужих разговоров и сплетен, до которых юный хранитель не был охоч, но с которыми неизменно сталкивался, живя во дворце. Верховный жрец считал старшего племянника излишне мягким правителем, опирающимся не на грубую военную силу, а на силу интеллекта и предпринимательских способностей. Конрада окружали эстеты и торговцы, архитекторы и ученые, путешественники и поэты. Он не особо жаловал грубых вояк, сплотившихся вокруг младшего брата, предпочитая войне охоту, насилию — легкие забавы добровольной любви, пьяным пирушкам — музыкальные и спортивные состязания. Исключение составляли монсеньор де Вер и его brave гвардейцы, неизменные стражи и спутники императора, негласное покровительство которых не раз спасало Эйриха от домогательств со стороны излишне пылких поклонников. Поскольку в Ланмарке принято было открыто ухаживать за представителями обоих полов и любых возрастов, и двор вскоре убедился, что юный хранитель отнюдь не проводит ночи в опочивальне императора, что не соответствовало бы и соображениям местной морали, у красавца дана вскоре появилась целая армия знатных, богатых и талантливых обожателей. Поэты посвящали ему свои стихи. Меценаты искусств заказывали его изображения. Ему присылали дорогие подарки и приглашения на пиры и охоты. Но Эйрих отвергал всех, не желая вступать даже в разговоры с огорченными поклонниками. Он привык к странным нравам своей новой родины — а иначе он и не желал воспринимать этот дивный по красоте край с лазурными небесами и бескрайними солнечными просторами! — но не желал покоряться им в угоду чьей-то прихоти. А его собственное сердце молчало, как и прежде...

Обделенные мужским вниманием дамы также бросали на прекрасного хранителя пылкие взгляды. Не раз и не два Эйрих заставал в своих покоях пробравшуюся тайком стройную фигуру в струящихся шелках, но и здесь он оставался холодным, словно лед, оправдывая собственное прозвище — Северный цветок, полученное с легкой руки принца Манфреда, сейчас осаждавшего города его далекой заснеженной родины...

... Эйрих давно уже научился находить дорогу к Гробнице, самому отдаленному строению вне пределов Коронного замка, без помощи пажей и рабов. Вот и сейчас он уверенно шествовал через дворы и переходы, пока не достиг центрального двора, больше похожего на главную городскую площадь, и бросил взгляд на подножие лестницы, по которой поднялся ровно полгода назад... Больше ему не доводилось бывать в Тронном зале и парадных покоях замка. Ему там нечего было делать. Его обязанности уводили его далеко-далеко от журчащих

фонтанов, разноцветных витражей и уютных беседок — в строгий полумрак особого мира Гробницы, мира, где царили Печаль и Смерть.

Однажды, будучи вынужден покинуть место службы раньше, чем император совершит свой ежедневный визит, после которого Эйрих мог быть свободен, — внезапно закончился запас благовонного масла, которым он заправлял светильники для ночного времени, — юный дан вернулся к решетке, отделяющей замок от моста над пропастью, когда там уже расположился эскорт правителя во главе с командиром гвардии.

— Приветствую тебя, Эйвинд, — граф де Вер церемонно поклонился, следуя этикету, но улыбка его была неофициально-теплой. Юноша в длинной белой мантии с капюшоном, какие носили все жрецы и служители заупокойных культов, слегка улыбнулся в ответ — он чувствовал, что при иных обстоятельствах знакомства этот внешне строгий аристократ вел бы себя с ним гораздо свободнее... это и задевало самолюбие крылом лести, и все еще вызвало легкое неприятие...

— Я выходил за маслом для светильников, — он не обязан был отчитываться перед графом, поскольку подчинялся лично императору, и больше никому, но счел нужным объяснить свое отсутствие — Конрад, погруженный в свою непроходящую печаль, может и не заметить его отсутствия. — Давно он там нынче?..

— Не дольше обычного, — граф взглянул на солнечный диск, едва затуманенный полупрозрачными облаками.

— Ясно, — Эйрих взялся за створку решетки, но его остановил вопрос Бертрана де Вера.

— Ты ведь хотел еще о чем-то спросить, Эйвинд?..

Юноша обернулся. Их взгляды встретились. Напряженное внимание и тень надежды в одном, и легкое смущение в другом.

— Да... я понимаю, что не должен интересоваться... но как на самом деле погиб Динео?..

«Что они с ним сделали?!» — синие, будто небо над головой, глаза дана впились в темные зрачки императорского друга.

— Хм... — граф положил руку на парапет ограждения, защищающий площадку перед мостом, и взглянул вниз, в глубокую пропасть под мостом, на дне которой неслышно шелестел узкий ручей, едва различимый среди острых скал и обломков камней. — Он неловко оступился, зачем-то взобравшись на ограждение балкона в своей комнате... это видели несколько слуг... должно быть, потянулся за цветком... он любил цветы...

— Да, я слышал об этом...

«Значит, его сбросили?!»

— Почему же вы так ничего и не...

Граф внезапно схватил его за рукав мантии и вскинул руку перед собой.

— Смотри, Эйвинд, орел парит над пропастью! Это добрый знак!

«Замолчи сейчас же, глупый! Ты обещал быть осторожным! Что же развязало тебе язык?!»

«А почему вы до сих пор ничего не предприняли? И убийцы все еще свободны?!»

— Ступай, хранитель, императору может понадобиться твоя помощь, — Бертран де Вер отпустил руку юноши и распахнул перед ним створки решетки, пропуская на узкий, сверкающий под солнечными лучами каменный мост.

Эйрих шел по нему, приближаясь к белому зданию Гробницы, и впервые в его душе вскипало незнакомое доселе возмущение. Этим прекрасным краем под солнечными небесами, этими просторами полей и лесов, благословенными плодородием самими богами, всеми этими землями, пастбищами, стадами, пашнями, виноградниками, шумными городами, охотничьими угодьями, фигурными замками, завоеванными странами и тысячами рабов, бескрайней гладью моря с флотилиями и россыпью диковинных островов — всем этим миром владел мертвец, живущий в сердце императора! Которому не было дела до мира живых! Который без улыбки встречал рассвет на ложе с очередным коротким увлечением, и который оставался безучастен к прелестям своей все еще бездетной жены! Который рассматривал планы нового строительства, торговых предприятий и завоеваний, не испытывая тяги к жизни!

Эйрих знал, что он увидит сейчас, шагнув в холодный сумрак последнего пристанища столь страшно погибшего фаворита — коленопреклоненную фигуру у строгого саркофага с выбитой на крышке краткой и красноречивой эпитафией, также отвергающей жизнь: «Незабвенный»! И если до сего дня юноша считал это если уж не правильным, то хотя бы незыблемым и достойным благоговейной тишины, то сейчас ему хотелось ворваться внутрь с громким криком: «Опомнись, повелитель, вспомни, на каком ты свете!» — сломать тяжелые двери, впустить в усыпальницу яркий свет, и заставить Конрада подняться с колен — ради себя самого, ради этого прекрасного мира... и ради будущего... Взять бы сейчас и расколоть молотом Тора эту крышку! И показать заживо хоронящему себя, ради чего он так убивается — ради тлена!

Эйрих в ужасе зажал себе рот рукой и прислонился пылающим лбом к холодной стене, пытаясь унять бешено бьющееся сердце и успокоить свой взбунтовавшийся разум. Он и сам не понимал, что на него вдруг нашло, откуда эти ужасные мысли и почти неодолимая тяга к святотатственному поступку.

— Ты вернулся? — глухой голос императора вывел его из состояния шока.

— Да, государь, прости, что я так долго отсутствовал...

Конрад слабо махнул рукой, поднялся с колен, и чуть коснувшись губами венка из свежих цветов на плоской крышке саркофага, вышел из гробницы. Вскоре его шаги стихли на мосту. Только ветер завывал далеко внизу, а его брат с горных вершин ворвался на миг в приоткрытую дверь, и тут же умчался прочь.

Эйрих сделал несколько шагов вперед и остановился перед статуей из искрящегося даже в сумраке внутренним светом мрамора с розовыми прожилками, вглядываясь в прекрасное спокойное лицо изваяния широко открытыми глазами.

— Если ты тоже любил его, отпусти... или я за себя не ручаюсь! — гордый потомок конунгов севера стиснул кулаки, в его синих глазах впервые вспыхнула ненависть. — Живым не место в мире мертвых! Чего ты хочешь? Отмщения? Крови? Отвечай! Клянусь предками — ты получишь свою виру, Динео, если уйдешь из сердца Конрада навсегда!

Он смотрел, как по белым ступеням поднимаются и спускаются другие — слуги, охранники, секретари совета — люди, которые видят императора ежедневно, при свете солнца, но будто не замечают, что ими правит живой мертвец, принесший себя в жертву той любви, что осталась в

прошлом... Или любовь не имеет времен? И не зависит от того, жив ли тот, на кого направлено чувство, или ушел в мир теней?..

Эйрих потряс головой, отгоняя эти странные мысли, все чаще закрадывающиеся в голову и странно тревожащие душу, и направился своей привычной дорогой к Гробнице.

Мосты в прошлое

Спустя несколько дней замок облетела тревожная весть о внезапной болезни леди Марион. Супруга императора почувствовала недомогание и боль в груди, возвращаясь после прогулки в столицу, куда она частенько навещалась по своим, женским делам. Злые языки поговаривали, что, не вполне доверяя искусству придворных лекарей, леди Марион втайне посещает колдунов и знахарок, надеясь найти у них средство приворожить мужа и понести наследника — не взирая на редкие посещения Конрада в течение вот уже пяти лет, императрица оставалась бездетной.

В тот день, огорченный и встревоженный слухом не меньше других придворных, заперев за собой решетку, Эйрих направился не в собственные покои, а на поиски графа де Вера.

— Монсеньор, выслушай меня, — он нашел графа в коррегардии императорских покоев. — На родине я был учеником очень умелого и знающего лекаря. Я мог бы попытаться помочь леди Марион, если бы мне позволили осмотреть больную...

Бертран де Вер был немного изумлен.

— Ученик лекаря?.. Я бы сказал, что ты благородных кровей, Эйвинд...

— И все же, поверь мне на слово и помоги посетить госпожу — ради ее блага!

— Я поговорю с Конрадом, жди здесь.

Вечером того же дня Эйрих второй раз в жизни оказался в личных покоях императора. Конрад был один и занимался чтением каких-то документов. Он поднял голову, услышав легкие шаги юноши.

— Эйвинд? Что скажешь о состоянии больной?..

Тонкие ноздри хранителя затрепетали от еле сдерживаемого волнения.

— Государь, позволь быть предельно откровенным!

— Да, разумеется, иного от тебя я и не жду. И не стой, присядь.

Конрад кивнул на свободное кресло у стола, но юноша отрицательно покачал головой.

— Нет, государь, спасибо. Я уверен, что это яд! А твои лейб-медики применяют лечение от болезни легких!

— Яд?! — император резко поднялся, смяв руками хрупкие листы пергамента. — Ты считаешь, мою жену отравили?..

— Я видел все признаки действия одного из наиболее опасных растительных ядов, государь, — Эйрих тяжело вздохнул и провел рукой по влажному лбу. — Он медленно, но верно разрушает внутренние ткани... и от него нет противоядия, кроме немедленного извлечения из тела и

тщательного промывания сразу после приема... увы!

— Значит, Марион умирает... — император тяжелой походкой подошел к приоткрытому на вечерний залив окну. — Когда?..

— Дней через пять, самое большее... — Эйрих с недоумением и возмущением смотрел в сгорбленную спину правителя огромной империи и, наконец, решился. — Государь, почему ты позволяешь им оставаться на свободе?!

Конрад медленно обернулся к нему, и в глазах императора Эйрих увидел знакомое выражение — то самое, которое было во время разговора о смерти Динео полгода назад.

— Потому что у меня нет иного выхода... и нет достойного наследника... и я не убийца, хотя знаю, что многие осуждают меня за это... ты тоже, Эйвинд?

Юноша стиснул руки перед грудью и сделал шаг вперед.

— Нет! Не нужно становиться убийцей, но ты вправе вершить правосудие! Я готов выступить свидетелем того, что слышал — ты на законных основаниях можешь взять преступников под стражу и заточить до конца жизни!

Конрад лишь слабо улыбнулся.

— Мальчик мой, кто поверит твоему слову против слова моего брата и дяди — верховного жреца Ланмарка?

— Так что же, ты позволишь убийцам и дальше уничтожать тех, кто тебе дорог?! — оторопел Эйрих, и уже совершенно не следил ни за тоном, ни за собственными словами. — И чем это кончится? Однажды тебя найдут с кинжалом в сердце в собственной спальне! Может, тебе и наплевать на жизнь, но подумай о тех, кто тебе служит, о тех, кто искренне любит тебя!!!

Услышав вопли Эйриха, в кабинет влетел граф де Вер с обнаженным мечом в руках.

— Хвала богам! Я опасался худшей картины... Что за крики, хранитель?

— Императрица умирает от яда, но я не могу достучаться до разума нашего повелителя, монсеньор! — Эйрих горестно взмахнул рукой и выбежал прочь.

Эту ночь он провел без сна, а утром, как обычно, но с еще более тяжелым сердцем, отправился на службу. Император появился, едва взошло солнце — гораздо раньше обычного. Возложив венок из свежих цветов на крышку саркофага, как он это делал ежедневно, Конрад не опустился на колени для заупокойной молитвы и общения с ушедшим возлюбленным, а повернулся в сторону наблюдающего за ним из пристройки юноши и подошел к нему.

— Вчера я вызвал из столицы двух опытных врачей, Эйвинд. Оба подтвердили твой страшный диагноз...

— А придворные медики? Они столь беспечны, или в сговоре с преступниками?!

— Тссс, тише, не забывай, где мы... — без гнева и неудовольствия попросил император. — Я вновь обязан тебе, юноша... и хотел бы попросить об еще одном одолжении, — Конрад подвел хранителя к узкой каменной скамье у стены. Оба сели и некоторое время хранили молчание.

— Ты говорил, что хочешь мне поручить, — начал было Эйрих, но Конрад перебил его.

— Не поручить, не приказать, а именно попросить... судя по всему, ты сведущ в отравляющих веществах более моих лейб-медиков... поскольку диагноз подтвердился, и состояние леди Марион к утру ухудшилось, я бы не хотел заставлять ее мучиться еще несколько дней...

Эйрих нервно сглотнул, поняв, какая просьба готова сорваться с языка правителя — он не раз слышал подобное из уст поздних посетителей старика Огги. Иногда его учитель не отказывал.

— Все, что в моих силах, государь...

— Приготовь самый быстродействующий яд, мой друг. Две порции... — взгляд императора был устремлен в никуда.

— Уверяю тебя, государь, чтобы прекратить мучения несчастной, достаточно будет и одной!

Конрад повернулся к нему и взглянул в глаза, умоляя не спорить.

— Я хочу быть абсолютно уверен!..

— Хорошо, повелитель, я приготовлю две порции, и не позже сегодняшнего вечера передам лично тебе в руки, — кивнул юноша, сглатывая нервный ком в горле.

— Спасибо тебе, Эйвинд, я не забуду... — на мгновение прохладная ладонь правителя накрыла горячую руку юноши. — Иди же и скорее займись этим!

Через сутки леди Марион не стало. Ее хоронили в закрытом гробу, чтобы скрыть жуткие иссиня-черные пятна на лице и теле. Конрад стоял у открытого саркофага, молча сжав тонкие губы, и все так же глядя в пространство, подобный статуе самому себе. Зато его дядюшка, прибывший на похороны одним из первых аристократов, развил бурную деятельность — пригласил лучшего в стране архитектора для украшения новой усыпальницы на склоне живописной горы, заказал изображения усопшей и памятные монеты из чистого золота.

Монсеньор де Борнейль не знал, что за всеми его действиями внимательно наблюдают холодные синие глаза, скрытые капюшоном неприметной в пестрой толпе придворных белой мантии хранителя. Глаза, уловившие блеск торжества во взгляде верховного жреца: «Празднуешь победу, старый мерзавец? Ну что же... Динео! Леди Марион! Прежде, чем солнце зайдет за горизонт, вы получите свою виру!..»

Эйрих забросил в рот крупную темно-бордовую сливу и, поправив на груди складки мантии, уверенным шагом направился к охраняемым дверям покоев императорского дяди.

— Я — хранитель Гробницы. Монсеньор де Борнейль желал видеть меня.

Стражники переглянулись — они не получали никакого приказа относительно столь позднего визита, но четкий голос юноши и надменный взгляд его синих глаз сделали свое дело — перед ним распахнулись обе створки дверей.

Верховный жрец уже отпустил свою прислугу и готовился к отходу ко сну, хотя еще не снял длинного роскошного халата, расшитого крупным жемчугом. Готфрид де Борнейль изумленно уставился на хранителя Гробницы:

— Ты?..

— Монсеньор... — Эйрих грациозно опустился на одно колено и склонил голову в самом

почтительном поклоне, — я посмел потревожить вас, простите...

— Надеюсь, для подобной дерзости у тебя найдутся достаточно веские основания! — проворчал верховный жрец, но по голосу юноша понял, что его маневр произвел должное впечатление, и как бы несмело поднял голову и уставился умоляющими глазами на скептически выжидающую физиономию императорского дяди.

— Если монсеньор будет столь милостив... и найдет горячее желание служить ему весомой причиной... — чуть слышно, с восторженным придыханием пролепетали влажные темно-розовые губы, то и дело увлажняемые кончиком язычка. — Я мечтаю стать жрецом, монсеньор герцог! И лишь вы в силах помочь мне!

— Вот как?.. Бывший раб мечтает служить бессмертным богам?.. — де Борнейль прищурился, плотоядно оглядывая стройную коленопреклоненную фигуру. — И даже научился смирению, как я погляжу...

— О, да, мой господин! И я готов доказать вам свою преданность! — Эйрих театрально воздел руки ладонями вперед. Старик клюнул — он ухватил юного красавца за тонкие запястья и рывком поднял с колен, притянул к себе.

— Посмотрим, каково твое смирение на деле, желающий добиться священного сана!.. — и впился сморщенным ртом в приоткрытые, покорные губы. Едва скользкий язык верховного жреца коснулся его десен, Эйрих с силой выплюнул в смердящий рот сливовую косточку, одной рукой зажал верховному жрецу нос, а другой с неожиданной силой заломил назад обе руки старика.

— Охрана! Сюда! Помогите! Монсеньор поперхнулся костью от сливы! — юный хранитель, за мгновение до того высыпавший на серебряное блюдо у постели горсть спелых слив из собственного кармана, изо всех сил дубасил покойника по спине, имитируя действия лекаря, пытающегося помочь задыхающемуся. — О, боги! Все тщетно! Господин ушел в мир теней! — Эйрих едва не рыдал на глазах у сбежавшейся охраны и приближенных монсеньора, которые видели лишь одно — тело своего господина с жутко выпученными глазами, вываленный язык, и злополучную черную косточку, впившуюся в гортань...

Прошло еще несколько спокойных месяцев, окрашенных в траурные тона осени и зимы.

Возвращаясь из Гробницы уже под вечер, в одном из переходов замка Эйрих заметил императора и графа де Вера, о чем-то беседующих с молодым флотским офицером. До юноши донесся краткий вопрос правителя:

— Ты все передал ему?

И ответ моряка:

— Да, государь, принц обещал вскоре прибыть домой.

Эйрих издали поклонился Конраду и его спутникам и продолжил свой путь. «Принц? Неужели он вызывает Манфреда с войны? Но для чего?..» — по слухам, брат императора уже захватил его родной Норрдан, пленил родителей и прочую родню, и собирался перебросить военные действия на лежащие еще севернее острова полудиких племен, отколовшихся от прочих данов. Из всех близких юношу волновала лишь судьба матери. Он собирался просить Конрада о снисхождении к пленнице, но сомневался, стоит ли открывать правду о своем происхождении, поскольку подобные вещи или говорят сразу, или же никогда... Да и сам он привык жить под

спокойной и надежной маской хранителя и лекаря Эйвинда. После трагической гибели леди Марион император позволил Эйриху заняться врачеванием, чтобы юноша не загубил свои выдающиеся способности из-за недостатка практики. Стоит ли говорить, что пациентами и пациентками прекрасного юного лекаря мгновенно пожелали стать многие из обитателей Коронного замка и окрестных владений, но Эйрих не отказывал в помощи никому: ни солдатам, вернувшимся с войны инвалидами, ни рабам, ни их господам.

— Ты снискал всеобщее уважение, дорогой Эйвинд, своим заботливым отношением и глубокими знаниями, — граф де Вер встретил юношу у решетки Гробницы, когда Эйрих запирали ее за собой в конце дня, и отвесил церемонный поклон. — Остается пожелать тебе, чтобы ни за одно из свершенных во благо справедливости и человеколюбия дел, тебе не пришлось оправдываться перед собственной совестью...

— Что это значит? — Эйрих взглянул в глаза другу императора.

— Ничего, мой юный друг, просто давно хотел тебе сказать, что без одного коварного и зловредного старика в этом мире дышится значительно легче!..

Он знал. Определенно знал — Эйрих прочитал это во взгляде мужчины, но было на дне черных глаз де Вера что-то еще, кроме благодарности и обещания хранить тайну...

Хранитель встряхнул головой, сбрасывая капюшон, и спросил, дабы сменить тему:

— А что это опять собираются строить, или переделывать зодчие нашего государя? — он указал взглядом на крышу ближайшего зала, на которой вот уже несколько дней сутились рабочие, собирающие некий странный механизм, похожий не то на осадную катапульту, не то на гигантскую телегу с крючьями вместо колес.

Граф покосился в ту сторону:

— А, это?.. Так, временная конструкция... для замены прогнивших балок... — но Эйрих понял, что де Вер не пожелал ответить правду. И ему почему-то вдруг стало неуютно на душе.

— Да? Ну что же, хвала богам, сей ужас не портит общий вид прекрасного замка, — он поклонился графу и продолжил свой путь, унося в сердце крохотную колючую льдинку тревоги...

Но множество навалившихся в зимний сезон хлопот с пациентами не оставляли лишней минутки и сил для долгих раздумий. Едва заканчивая с делами в Гробнице, Эйрих спешил к простуженным и страдающим подагрой, лечил многочисленные переломы и ушибы, заживлял раны после боев чести и схваток с дикими хищниками на охоте. Время от времени, бросая взгляд на растущую на крыше странную конструкцию, юноша задавался вопросом — а не опасается ли император нападения на замок со стороны своего вероломного брата, который, кстати, не спешил возвращаться, вопреки тому разговору...

«Но если это и впрямь катапульты, и каменные ядра — это снаряды, почему машина обращена в сторону Гробницы, а не главных ворот? Неужели Конрад опасается, что Манфред посягнет на прах его драгоценного Динео?..» — это было и дико, и, несомненно, глупо, но иные мысли не посещали голову юного хранителя, который ежедневно видел странные подготовительные работы над самой головой. Задавать вопросы Конраду, казалось, окончательно погрузившемуся в свой внутренний мир, он опасался, чтобы не бередить душевные раны несчастного.

Накануне того, как получить официальное приглашение на дворцовый пир, наравне с

рыцарями и знатными сеньорами юга, Эйрих был свидетелем душераздирающей сцены в усыпальнице — он слышал, как полубезумный император пел колыбельную, обняв руками угол саркофага... У юноши волосы зашевелились на голове от ужаса, и тут же кровь прилила к щекам при обидной в своей очевидной простоте истине, что он ничего не может поделать! Его талант лекаря бесполезен в борьбе с силами иного мира, а его любовь — да, любовь, пустившая ростки и выросшая из сострадания и отчаянного желания понять, что же за сила такая увлекает его прекрасного господина в безжизненную бездну, — эта хрупкая любовь оказалась незамеченной и ненужной. Много раз Эйрих твердил себе, что нельзя сдаваться, что в один прекрасный день Конрад отзовется на увиденную в его глазах нежность, оценит желание спасти его и покинет этот жуткий мир теней навсегда, но в награду за заботу о себе и беломраморном монстре император платил звонкой монетой и дорогими дарами, замыкаясь в себе все сильнее и сильнее...

В назначенный вечер Эйрих впервые переступил порог пиршественного зала, где был почтительно встречен распорядителем и усажен за главный стол, недалеко от самого Конрада и его высших сановников. Юного дана уже не смущало ни присутствие смазливых оруженосцев и пажей, которых открыто ласкали их высокие покровители, ни танцы и акробатические номера в исполнении обнаженных танцоров с разрисованными телами, ни громко зачитываемые произведения придворных поэтов, насквозь пронизанные гомозротикой и высокой романтикой мужских союзов.

— А я хочу выпить — с позволения нашего государя! — один из придворных льстецов и краснобаев с холеным лицом и телом атлета отвесил поклон в адрес Конрада, — за будущее счастье всеми обожаемого и такого жестокого Эйвинда, истинной жемчужины севера, радующей наш глаз вот уже целый год!

— Ого, уже год? И за целый год никто из нас так и не соблазнил прелестного лекаря? Позор на наши головы, господа! — поддержал приятеля маршал де Гарр, недавно прибывший из действующей армии.

Бертран де Вер поднял свой кубок, призывая собравшихся к молчанию.

— Друзья, довольно смущать юношу! Давайте лучше выпьем за его здоровье и долгие лета нам на радость, а уж за выбором дело не встанет, когда заговорит его сердце!..

Слегка смущенный Эйрих благодарно улыбнулся другу императора и взглянул на Конрада, молчаливо греющего в ладонях свою объемистую чашу — навряд ли император слышал хотя бы половину сказанного — он снова был не здесь...

— Эйвинд, а может, твое сердце молчит, напуганное суровостью законов твоей родины? Так расслабься, малыш, мы разбили данов, и больше никогда не услышим о жутких кровавых казнях, которые устраивал своим соратникам этот бешеный Харальд, который достоин прозвища Кровавого, но никак не Ясноглазого! — маршал де Гарр попытался утешить и поддержать юношу, но лишь задел глубоко спрятанную боль воспоминаний.

Эйрих побледнел и тихо прошептал: «Нет, я ничего такого не слышал»...

— Ты не слышал? Эй, зовите-ка сюда менестрелей! Пусть Гвидо споет нам свою грустную балладу о северном принце и его наставнике! — заорал маршал на весь зал, и прежде чем Эйрих успел возразить, все гости дружно выразили желание послушать лучшего трубадура Ланмарка и его печальную историю.

Бывший конгер сидел на своем месте, словно пригвожденный звуками прекрасного голоса к

мягкому креслу, но душа его витала в сырых и темных чертогах подземной тюрьмы, где раздавались стоны матери и гневные крики отца, взмывала в небеса над запруженной народом площадью с окровавленным помостом, разрываясь между прошлым и настоящим. А по окаменевшему лицу текли крупные беззвучные слезы — он плакал впервые с того дня, когда палач жестоко изуродовал его лицо шесть лет назад.

— Гвидо, довольно! — граф де Вер сделал знак менестрелю прекратить выступление, едва заметил, что с юным хранителем вот-вот случится нервный припадок. — Господа, а мы тоже хороши!.. Вспомните, многие из вас утирали слезы, впервые услышав эту жуткую историю! — он приказал управляющему проводить Эйриха в его покои. Выходя из зала, юный конгер услышал негромкий, хриплый от волнения голос императора:

— Я помню тот день, когда, вестник рассказал о казни сына конунга и его наставника...и если прежде я сомневался, стоит ли идти на данов, в тот день позволил Манфреду перейти границу Норрдана и смести с лица земли этих жестоких нелюдей!

Эйрих замер, прижавшись пылающим лбом к холодной стене. В его ушах прозвучал, словно это было вчера, сильный и звучный голос ярла Сверрира: «Один, ты видишь бесчинства этих тупиц — отомсти за нас!» — и свист меча, рассекающего воздух и живую плоть.

В этот миг преграда, возведенная в его душе воспитанием и традициями предков, окончательно рухнула — если сам суровый бог его родины услышал голос приговоренного и внял его мольбе, значит, Темногривый не был виновен! И он, Эйрих, зря терзался сомнениями и стыдом из-за испытанного в объятиях ярла жара! Ибо чего не запрещают боги, того не запретить смертному, а его отец, сломленный и покоренный мечом ланмаркского принца, был смертным!

Управляющий суетился рядом с осевшим на пол в полуобморочном состоянии юношей, предлагая свою помощь, но Эйрих поднялся на ноги.

— Нет, благодарю, Альберий, к себе я дойду самостоятельно. Возвращайся к гостям.

Уютно свернувшись калачиком на своем ложе и закрыв глаза, Эйрих мысленно возблагодарил всех богов этого мира, позволивших ему увидеть свои чувства в истинном свете, и с улыбкой прошептал, обнимая подушку: «И завтра же я все скажу ему»...

Он проснулся гораздо позже обычного, когда солнце уже сияло высоко в лазурном небе, очистившемся от густых зимних облаков. Наскоро умывшись холодной водой и одевшись в новую, сверкающую снежной белизной мантию с изящными серебряными отворотами и галунами по краям, хранитель бодрой походкой направился к месту службы.

Миновав последнюю галерею, Эйрих распахнул дверь, ведущую на площадку перед мостом, и замер на пороге, вцепившись в кованую ручку. Сквозь оседающий туман из каменной пыли, пронизанный яркими косыми лучами света, юноша видел белый силуэт Гробницы и обломанные края моста, нависающие над пропастью — но самого каменного перехода, по которому привык проходить дважды в день, больше не было...

— Выходит, это все же катапульта?.. — он обращался к самому себе, и не сразу заметил стоящего рядом графа де Вера.

— Да, ты угадал правильно...

Что-то в голосе императорского друга заставило юношу внутренне сжаться, подобно пружине.

Он медленно обернулся и заглянул в лицо графу — в осунувшееся и почерневшее от горя лицо человека, за один день пережившего тысячу смертей.

— Монсеньор... что это значит?.. Где государь?.. Он знает?..

— Он там, мой друг... — де Вер указал вытянутой рукой в направлении Гробницы. — Это его решение...

Эйрих смотрел сквозь водопад струящихся по воздуху частиц пыли расширенными от ужаса глазами, не в силах сформулировать мысли и чувства, накатившие мощным валом и окончательно разрушившие защитную плотину. Наконец, он судорожно вздохнул и бросился к краю пропасти:

— Конрад, неет!!! Вернись!!! Я... — сильная рука зажала ему рот, другая обхватила за плечи. Граф с трудом оттащил извивающегося юношу от страшного обрыва, быстро шепча на ухо: «Тише, малыш, тише, он все знал... но его больше нет... понимаешь? Он ушел к Динео... Ушел навсегда!»

— Не верю! — Эйрих все же вырвался. — Он жив! И будет жить, если мы спасем его! Если успеем собрать лестницы или навести новый мост! Что ты стоишь, граф? Зови людей, каждое мгновение дорого!

— Ты забыл о второй порции яда, умелый лекарь... — Бертран де Вер смотрел на развороченные ударами снарядов плиты под ногами, извлекая из складок своего плаща знакомую Эйриху склянку из темного стекла. — Он выпил перед тем, как вступить на мост...

Юноша выхватил из рук графа сосуд, перевернул его, словно надеясь на чудо, и со страшной силой запустил в пропасть:

— Проклятье! Чтобы я еще хоть раз в жизни откликнулся на подобную просьбу!..

— Это не твоя вина, Эйвинд... — ладонь графа опустилась на его плечо. — Он просил передать тебе письмо.

«Не вини ни себя, ни меня, мой юный прекрасный друг, настоящего имени которого я так и не узнал. Да хранят тебя милостивые боги. Будь счастлив!» — изорванный и смятый трясущимися руками листок также полетел в пропасть, а Эйрих, пошатываясь от горя, побрел прочь от места, которое показалось ему еще более жутким, чем эшафот палача из его воспоминаний.

Время перемен

— Монсеньор граф, к вам граф де Вер, — доложил мажордом и скрылся за дверью, пока в него не полетела очередная ваза, или пара сандалий.

— Никого не желаю видеть!

— Ну-ну, так ты друзей принимаешь в своих новых покоях, мой драгоценный Эйвинд? — Бертран де Вер, который не видел бывшего хранителя Гробницы около пяти дней, которые юный дан провел в полном одиночестве, подошел к ложу, на котором скорчился заплаканный Эйрих, с давно нечесаными, спутавшимися волосами, одетый в измятую и залитую вином мантию. Расправил край покрывала и присел на край ложа, положив тяжелую теплую ладонь на спину Эйриха.

— Довольно скорби, пора браться за дела, мой дорогой. Конраду было бы приятнее видеть тебя в зале совета, нежели в этой неубранной комнате!

— Конраду было наплевать на меня, и на тебя, и на всех, — Эйрих уткнулся носом в подушку, еще не просохшую от пролитых слез.

— Если бы это было так, он бы не стал в последнее утро заниматься твоим будущим, превращая тебя в графа и владетельного сеньора, — возразил Бертран де Вер, — так что, монсеньор граф, поднимайся.

— И не подумаю, — Эйрих крепче вцепился руками во влажную ткань, — вернее, я поднимусь, но только для того, чтобы навсегда покинуть этот прекрасный край, обреченный жить под властью тупоголового Манфреда...

— Вот уж этому не бывать!

— Что ты говоришь, граф?.. — Эйрих приподнялся на локтях и обернулся, изумленно глядя на де Вера через плечо.

— То, что слышишь, мой друг... — граф поднялся с постели, прошелся до окна и обратно. — Сегодня на совете я оглашу завещание покойного императора касательно престолонаследования. Нашим новым повелителем станет его высочество Теодор, герцог де Бриз, единственный кузен Конрада и Манфреда.

— Час от часу не легче — сын де Борнейля на престоле! Яблочко от гнилой яблоньки, — Эйрих скривился от отвращения при одном воспоминании о последних минутах высшего жреца. «И весь этот ужас, все это глумление над собственной честью — напрасны!»

— У монсеньора Борнейля не было детей, а Теодор — сын давно погибшего на войне герцога Сезари, также приходившегося нашему императору родным дядей, — терпеливо и с улыбкой пояснил Бертран де Вер.

Эйрих вскочил с ложа, запахивая мантию.

— Впервые слышу об этом принце! Где вы его прятали, этого тайного наследника?!

— Он сам себя упрятал, этот неугомонный странник морей, — граф указал рукой в перстнях на синюю гладь за окном. — Принц проводит на море больше времени, чем на суше. Незадолго до того, как уйти, Конрад вызвал Теодора в столицу, объяснив ему в письме, какое будущее его ждет, и принц обещал вскоре вернуться.

Эйрих закусил губу, вспомнив сцену в галерее.

— Если бы ты только намекнул, монсеньор Бертран!.. Если бы дал мне шанс предотвратить весь этот ужас... — юноша содрогнулся при мысли о скорченной окоченевшей фигуре рядом с мраморным саркофагом. — Но ведь молчал до последнего!..

Граф тяжело вздохнул.

— Я долго боролся, Эйвинд, можешь мне поверить! Но воля императора, и его огромная не проходящая любовь оказались сильнее моих доводов и желаний... Я просто следовал данному моему другу и повелителю слову, хотя сердце обливалось слезами при виде твоих мучений...

— Довольно об этом! — Эйрих мотнул головой, отгоняя новый приступ отчаяния и желание завалиться обратно на ложе в слезах. — Позволь мне привести себя в порядок, граф. Я приду на совет.

— Прекрасно, монсеньор де Монтель, жду тебя для оглашения тестамента и решения других срочных вопросов.

Согласно воле покойного императора Конрада, его друг возглавил совет и до возвращения и воцарения принца Теодора назначался верховным правителем и регентом империи с неограниченными полномочиями в отношении принца Манфреда, всех имперских войск, всех сословий, казны, земель и завоеванных территорий.

Высшая аристократия и члены совета приняли эту волю покойного без малейших возражений. Как ожидал регент, возражений следовало ожидать от его высочества Манфреда и его верных рыцарей.

Чтобы немного забыться, выплеснуть гнев и скорбь, и подготовиться ко встрече с врагом, Бертран де Вер и Эйвинд де Монтель по много часов проводили в фехтовальном зале и в гимнасии, как и другие рыцари, верные регенту и будущему монарху, на чье скорейшее появление очень рассчитывали, чтобы уменьшить риск вооруженного восстания в случае, если первым в столицу зайвится родной брат покойного.

Однажды вечером, вернувшись к себе, Эйрих, уставший после целого дня тренировок, прилег отдохнуть, и был разбужен на закате осторожными прикосновениями чьих-то теплых рук и нежных губ, ласкающих шею прерывистым дыханием. Обернувшись, он увидел знакомое лицо юного аристократа Марио, одного из пажей графа де Вера.

— Хм... твой господин решил позаботиться и о моем досуге?.. — спросонья Эйрих не успел возмутиться, но легкое смущение все же присутствовало в его сознании.

— Монсеньор граф не против? — юноша потянулся к нему и поцеловал в губы, попутно развязывая мягкий халат графа и запуская ладони внутрь. От прикосновения нежных губ и умелых рук к своему обнаженному телу, Эйрих сначала замер. Прикрыв глаза ресницами, он настороженно следил за тем, как темная кудрявая макушка спускается все ниже по его пробуждающемуся телу, потом откинул голову и судорожно выгнулся навстречу мягким губам, обхватившим его естество тугим, горячим кольцом. Конец его невинности ознаменовался взрывом эмоций, кипением крови и мощным выплеском любовной влаги. Глядя, как Марио стирает густые белые капли его семени со своего лица и жадно облизывает ладонь, Эйрих откинул в сторону халат и рывком притянул юношу к себе, благодарно и страстно целуя в приоткрытые губы, хранящие его запах и вкус. Все для него было внове, но молодой граф уверенно перевернул Марио на живот и прошелся дорожкой поцелуев по смуглым плечам и выступающим косточкам позвонков, сжал ладонями гладкие полушария, массируя и разогревая, заставляя юношу нетерпеливо постанывать и прикусывать ткань подушки. Он наслушался достаточно откровений южан, и знал, чем заменить отсутствующее под рукой масло — смазав себя слюной, он погрузился в узкую, пульсирующую от вожделения щель. Сама природа подсказала ритм движений, вскоре приведших к новому, общему для двоих пику наслаждения.

— Спасибо, милый, — Эйрих шепнул на ухо распростертому без сил Марио и поцеловал его во влажный от пота висок.

— Мне прийти завтра, монсеньор?..

— Да, — Эйрих улыбнулся в темные кудри, мысленно представляя себе, как отблагодарит графа де Вера — он давно обещал монсеньору другу и покровителю совместную охоту вне пределов замка.

Подстрелив из арбалета пару гусей и косулю, регент отправил добычу с егерями и рабами на кухню, а сам предложил Эйриху верховую прогулку в объезд замка. Некоторое время спутники молча ехали рядом, касаясь головами густых, нависающих над тропинкой ветвей со свежей листвой. Потом обсудили надежность укреплений нижнего яруса крепостных стен в случае вооруженного нападения сторонников принца Манфреда. К удивлению графа де Вера юный дан высказывал весьма точные и емкие замечания, свидетельствующие о серьезной военной подготовке. Эйрих отшучивался: «На моей далекой родине всем мальчикам с раннего детства вбивают эту науку вместе с тумакими наставников, подзатыльниками, и прочими нежностями!»

— Да уж, наслышан! — регент натянул поводья, придерживая своего скакуна и преграждая Эйриху дорогу. — Давно хотел спросить тебя... — граф склонился в седле, кончиками пальцев касаясь щеки юноши. — Откуда эти шрамы, навсегда придавшие прекрасному лицу улыбку сфинкса?..

Эйрих опустил глаза, стараясь унять внезапное сердцебиение. Ночь, проведенная с Марио, сотворила с ним что-то невероятное — кожа стала чувствительней во сто крат, и от легчайшего прикосновения вспыхнула пожаром, а по всему телу прошла волна озноба.

— Это старая история, и не слишком веселая, чтобы ее вспоминать, монсеньор Бертран...

— Просто Бертран, — ладонь мужчины более уверенно погладила горящую щеку юного графа, скользнула в густые волосы, отливающие серебром. — Настало время сбросить маску и рассказать о прошлом, сколь бы печальным оно ни было — не находишь?..

— Не знаю... — Эйрих покачал головой, теребя поводья собственной лошади и заставляя ее стоять спокойно.

— Я не достоин твоего доверия, Эйвинд? — крепкая рука твердо ухватила его за подбородок и вскинула лицо юноши к свету. Взгляд горящих черных глаз регента впился в самую душу:

— Неужели не видишь, что я схожу с ума при виде тебя?! Неужели не понимаешь, что наши судьбы, возможно — надолго... связаны самой судьбой?! Эйвинд, будь же милосердным, подари мне хотя бы тень надежды!

— Бертран, я готов на многое ради дружбы такого человека, как ты, но не проси рассказать о том, что я стараюсь вычеркнуть из памяти! — вздохнул молодой человек. — Возможно, позже...

— Если у нас будет это «позже», — в свою очередь вздохнул граф де Вер, привлекая Эйриха к себе для долгого поцелуя, — но я буду молить богов, чтобы было!

Юный граф, ошеломленный прозвучавшим признанием и новыми волнующими ощущениями, которых и ждал и страшился, все же нашел силы вынырнуть из расслабляющей неги ласк, которыми осыпал его страстный любовник, уложивший его на дерновую поляну, прогретую солнцем, и обнажающий его тело под градом поцелуев.

— Бертран, мгновение!.. Я хочу знать, что огорчает тебя? К чему эти вздохи и недомолвки?

— Позже, мой сладкий... — руки графа обвили вокруг тонкой юношеской талии.

— Ты сам заговорил о доверии... и мне тревожно... — Эйрих из последних сил пытался удержаться на грани разума.

Граф развел его обнаженные ноги, его рука скользнула по внутренней поверхности бедра к самым нежным потаенным местам, а губы шепнули на ухо вздрагивающему юноше: «Грош цена моему благородству, если я сделаю признание, держа тебя в объятиях... В должный момент ты все узнаешь... а будет ли прощение, я прочту в твоих глазах... а сейчас доверься мне, милый, я очень хочу сделать тебя счастливым!»

Эйрих откинулся затылком на теплый дерн, смежив веки и отдаваясь страсти.

В синем небе над слитыми телами любовников плыли стройные журавлиные клинья — птицы возвращались в старые гнезда. А в мозгу Эйриха, вместе с гулками толчками крови, прозвучал хриплый голос Сверрира: «Не бойся, малыш, это не страшно! И не сердись, что так вышло... глупо... я хотел сделать тебя счастливым!»

Юноша содрогнулся в острейшем спазме наслаждения, смешанного с болью, и распахнул глаза, устремив затуманенный взгляд в бесконечность небес: «Да, Темногривый, глупо вышло... Но сейчас порадуйся за меня, пирующий в вечных чертогах Асгарда!»

Хроники Эйриха,

написанные Альберием, управляющим императорского двора Ланмарка

— «...а в конце 1724 года со дня правления Императорской Династии случился ужасный штурм замка и захват столицы войсками мятежного принца Манфреда, не желающего признавать волю покойного брата, регентство графа де Вера и грядущее правление своего племянника, монсеньора де Бриза. Убив почти всех защитников крепости, принц с сообщниками ворвались в зал совета, охраняемый гвардейцами Регента, и потребовали выдачи самого Регента для расправы. Принц Манфред в присутствии всех пэров обвинил графа де Вера в смерти Динео и участии в заговоре против покойного императора, который составили сам принц и его покойный дядя, монсеньор де Борнейль, дабы оградить страну и подданных от правления императора-безумца. Принц Манфред настаивал на том, что предатель не может быть попечителем высшей власти, тем более — назначенный на пост Регента незыблемым, и не желая ждать прибытия герцога Теодора, настаивал на немедленной казни де Вера и собственной коронации, как единственного законного правителя Ланмарка. Мнения рыцарей и членов Совета разделились. Многие верили в невиновность монсеньора де Вера и были готовы защищать его ценой собственной жизни. И тут случилось невероятное — монсеньор Бертран сделал признание, из коего следовало, что он собственноручно столкнулся с парапета балкона юного фаворита своего покойного господина, будучи уверенным, что смерть Динео послужит благом государству, что император забудет несчастного юношу и станет больше времени уделять вопросам управления... При полном молчании членов Совета и всех, кто прибыл с принцем, внезапно вперед вышел юный граф де Монтель, бывший хранитель Гробницы. Он призвал собравшихся к справедливому суду над убийцей Динео, а сам вызвался немедленно покончить с претендующим на власть жестоким подлецом Манфредом и извлек из ножен меч прямо в зале Совета. Принц ответил надменным отказом принять вызов безродного выскочки. И тут случилось невероятное — Эйвинд де Монтель назвал именем давно сгинувшего конгера Норрдана Эйриха, чья жестокая и ужасная гибель вошла в легенды. Таким образом он утверждал свое право сразиться с принцем Ланмарка на равных. Рыцари пораженно молчали, не зная, чему верить. Принц же Манфред приказал привести в замок содержащегося в кандалах пленника — низложенного им конунга Харальда Ясноглазого, который со слезами на глазах подтвердил, что бывший хранитель Гробницы действительно является его кровным

сыном, чудом избежавшим смерти. Тогда принц Манфред, бахвалясь пуще прежнего, и припоминая все свои военные победы, вышел на поединок с прекрасным юношей. Исход поединка решили светлые боги, присудив победу мстителю за покойных Конрада и Динео. Тело побежденного погребли в императорской Усыпальнице, а победителю, единодушным решением Совета и примкнувших к нему рыцарей были вручены бразды Регентства — до прибытия герцога Теодора. Конгер Эйрих отпустил с миром своего отца, не держа на него зла за прошлое, и вернул ему власть над страной предков. Также он дал свободу графу де Веру, предоставив его прегрешения собственной совести. В раскаянии монсеньор Бертран наложил на себя руки.

Прибывший вскорости герцог Теодор не пожелал принять высшую власть, выступив перед Советом с речью, он утвердил на престоле наилучшего из кандидатов — Регента Эйриха, посланного Ланмарку самой Судьбой, выдал за него свою юную сестру Кармелин, и отбыл в новое плавание после их бракосочетания и коронации Императора Эйриха Первого, основателя Второй Династии, правящего с величайшей мудростью и справедливостью вот уже шестнадцать лет», — Император закончил чтение и скрутил длинный свиток, пряча улыбку в уголках губ, — это похоже на надгробную эпитафию, мой добрый Альберий!

— Что ты, государь, что ты! — старый управитель двора замахал руками. — Да хранят тебя светлые боги еще многие лета! Я лишь написал правду, стараясь не растекаться мыслью и придерживаться исключительно самого важного!

— Хм... неплохо получилось, и впрямь — ничего лишнего, — Эйрих протянул старику свиток. — Пусть хранится в моем кабинете, а ты продолжай в том же духе, чтобы хронисты моих сыновей и внуков имели перед глазами достойный пример.

— Государь, раз уж речь зашла о твоих сыновьях, — старый управляющий смущенно кашлянул. — Принц Конрад вот уже второй раз позволил себе вернуться в замок далеко за полночь... и охрана потворствует этим его поздним вылазкам в город... Государыня беспокоится...

Эйрих вновь улыбнулся.

— Я в курсе всех дел Конрада, старина, не о чем переживать, я сам поговорю с супругой, — пятнадцатилетний наследный принц был предельно откровенен с отцом, и Эйрих знал, кого навещал его сын в столице. — Что-нибудь еще?

— Принц Харальд, государь... с этим вовсе сладу нет — то драгоценные вазы из лука расстреливает, то статуи с крыши сбивает из своих чудных «машин»! — пожаловался управляющий.

— О да, энергия из Харви так и бьет! — согласился Император. — Потерпи еще немного, старина, скоро я отправлю среднего сына на флот к монсеньору Теодору — там его инженерно-разрушительные таланты разовьются в должном русле. Но ведь это не все?

— Ты как всегда видишь насквозь, государь, — старик вздохнул. — Педагоги третьего принца, Сверрира, жалуются, что мальчик постоянно убегает с уроков в конюшни и псарни, и предпочитает постигать мастерство коновала в ущерб философии и прочим высоким наукам!

— Должна же моя страсть к медицине передаться хоть кому-то из детей! — рассмеялся правитель, лукаво щуря большие синие глаза, столь же ясные, как и в юности. — Ну, это все?

— Ох, государь, если бы...пока ты объезжал дальние провинции, младший из твоих сыновей,

Бертран, тоже отличился — заявил, что не хочет постигать знания под опекой мудрых жрецов, что это скучно и нудно, и он предпочел бы взяться за меч и лук... и это в десять лет!..

— И это ни капли не удивительно, старина, поскольку я сам в его годы всю жизнь упражнялся с оружием и стрелял мелкую дичь. А что леди Кармелин, здорова?

— Хвала богам, ваше величество, и в прекрасном здравии после рождения малышки принцессы ожидает вас в своих покоях! — управляющий низко поклонился и указал жезлом в направлении золоченых дверей, соединяющих апартаменты Императора и его жены.

— Позже, Альберий, сперва разберемся с подготовкой к торжествам. Когда прибывает монсеньор Теодор и что там с посольствами от наших вассалов? — Эйрих опустился в удобное кресло.

По извечному кругу

Покончив с делами и навестив супругу с новорожденной дочерью, Император по обыкновению отправился прогуляться по своему огромному дворцу. Навестил сыновей и больных сановников, выслушал несколько срочных донесений и новости из столицы.

Эйрих поднялся на внутреннюю крепостную стену и прошел до угловой смотровой башни, откуда открывался вид на морской залив. В просторной гавани, окруженной кипарисовыми и пальмовыми рощами, стояли на рейде многочисленные военные и торговые корабли под алым флагом Ланмарка, а на далеком горизонте виднелась эскадра герцога де Бриза, о приближении которой ему только что доложили. На душе у Эйриха стало тепло — он неизменно радовался визитам герцога Теодора, своего изумительного свободолюбивого шурина, подарившего ему престол, свою искреннюю дружбу и немало горячих ночей...

Взгляд Императора сместился налево, к сияющей в солнечном свете Гробнице, отделенной от замка непроходимой пропастью. В первые годы своего правления Эйрих еще хотел восстановить мост и должным образом похоронить останки покойного Конрада, но чем больше проходило времени, тем это желание казалось Императору все менее правильным, и в конечном итоге он решил оставить все, как есть — памятником Вечной Любви, в том виде, как того пожелал сам Конрад, принявший смерть, обняв саркофаг своего возлюбленного...

Эйрих много думал о любви, был очень привязан к своей жене, гордился детьми, но ни один из коротких, пусть и ярких, романов Императора с красивыми юношами и отдаленно не походил на глубокие и верные отношения Конрада и Динео. А сердце Теодора лишь наполовину билось для него — вторая, и, очевидно, что большая половина жила любовью к морским просторам и путешествиям в неизведанные края.

«Как говорится, каждому свое... — Эйрих глубоко вздохнул, глядя на сияющий идеальной белизной купол Гробницы, — и мне уже поздно мечтать... но иногда так и подмывает взмолиться к Небесам, не пожелавшим послать мне ТАКОЙ любви — возьмите все! И пусть...»

— Государь, прости, что тревожу, прибыло посольство из Норрдана, — дежурный адъютант почтительно склонил голову.

— Да, иду... «Воистину — глупо и поздно мечтать!» — Эйрих быстро спустился по лестнице и направился к себе, чтобы переодеться для торжественного приема гостей.

* * *

Наконец это бесконечное шествие за пропахшим потом рыцарем в сверкающих доспехах, и необходимость смотреть в его багровый бычий затылок закончилась у подножия трона, возвышающегося над замолчавшей вмиг толпой придворных, подобно кораблю, воздетому на гребне пенной волны — белый мрамор подножия, синий ковер с золотыми узорными кантами по краям, массивные львиные лапы опор, подлокотники в виде туго скрученных морских раковин, изрыгающих потоки золотых вод, точеные смуглые пальцы, украшенные огромными сапфирами и рубинами в изысканной оправе, столь же загорелые, странно безволосые ноги в сандалиях из золоченой кожи, край багряной, словно свежая кровь, туники, широкий пояс, охватывающий сильное, жилистое тело молодого мужчины на троне...

Дион не смел, да и не хотел поднять глаз, чтобы взглянуть в лицо правителю этого мира, игрушкой которого его намеревался сделать ненавистный захватчик, соловьем разливающимся у престола — он де и любит, и почитает своего брата и друга наравне с богами, если не больше! И всю непокорную Атлантиду он скоро бросит к его ногам! Он заставит тупых варваров лизать подошвы богоравного Эйриха, величайшего из правителей во всей истории!.. Из уважения к коему он, верный солдат и первый подданный короны Ланмарка, даже не притронулся к прелестному и невинному юноше-рабу, которого преподносит в дар своему великому брату! — вот так, открыто, перед всеми! — Дион чуть не задохнулся от ярости и боли, его низко склоненное лицо вспыхнуло темным румянцем. Он желал бы провалиться в самую глубокую из тех пропастей, что отделяют неприступное замковое плато от всего света, лишь бы не быть выставленным на всеобщее обозрение перед этой безумной развратной толпой и их отвратительным господином!

— Возможно, ты хорошо обращался с этим несчастным, дорогой братец, но вполне очевидно, что юноша не в себе от волнения и переутомления. Как его зовут? — голос с вершины оказался отнюдь не громоподобным и не грубым, скорее приглушенно-усталым и чуть хриплым.

— Я не стал спрашивать его варварское имя, государь. Назови его так, как сочтешь нужным, сиятельный! — усмехнулся адмирал де Бриз.

— И напрасно, мой дорогой! — Император спустился по ступеням, отделяющим его от невысокого золотоволосого создания с глазами цвета неба и нежным румянцем на безволосых щеках. — Как тебя зовут, милый?.. Только не придумывай, назови свое, данное тебе при рождении имя!

Дион, борясь с внутренним напряжением и вслушиваясь в ласковые интонации, не сулящие ничего ужасного и унижительного, все же поднял голову.

— Меня зовут Дион, сын Геспера.

— Что же, прекрасно, будь моим гостем, если пожелаешь, Дион. Гостем, а не пленником, поскольку монсеньор Теодор еще не знает, что рабства в Ланмарке вот уже полгода как не существует! — Эйрих перевел взгляд с прекрасного лица юного атланта на изумленно вытянувшееся бородатое лицо своего друга. — Да, да, дорогой Теодор. Что же до твоих убытков, казна возместит их, но впредь я запрещаю работорговлю даже тебе!

Адмирал справился с удивлением и сверкнул белыми зубами в ответной усмешке.

— Ну, отчудил! А что, вообще-то верно, давно пора, но решиться на подобное мог только ты!

* * *

Прошел месяц.

Император встретил рассвет на привычном для себя месте — в смотровой башне, обращенной к морю. Его глубокие размышления прервали легкие, почти невесомые шаги за спиной — кто-то поднялся в башню. Сердце Эйриха на миг замерло и застучало быстрее, когда он подумал, что этим дерзким, прервавшим его уединение мог быть один человек, о котором были все его мысли в последнее время. Император не спешил оборачиваться, все так же неотрывно глядя в сумрачные очертания белой башни с сияющим куполом на фоне темно-синего моря.

— Государь, сегодня отбывает эскадра адмирала де Бриза...

— Я знаю, — от этого тихого голоса с певучим акцентом сердце падает в пропасть, а ноздри трепещут от горько-сладкого аромата сверкающих золотом волос.

— Государь желал узнать мое решение, поэтому я здесь...

— Слушаю тебя, — Эйрих впивается ногтями в каменное ограждение площадки.

— Моя родина так прекрасна, что расставание с ней сулит смерть, — шепчет нежный голос, все приближаясь.

— Так уезжай! Почему ты до сих пор не на борту адмиральской галеры?! — Император резко оборачивается, в его синих глазах вспыхивает темное пламя, брови сурово сдвигаются над точеной переносицей.

— Потому, что ты похож на богов моей родины... и я решил остаться, — Дион смущенно улыбается и протягивает тонкую руку, перевитую причудливыми золотыми браслетами.

Первые лучи солнца отбрасывают яркие блики на паруса отплывающих кораблей, окутывают мягким сиянием погруженную в вечный сон беломраморную Гробницу, и согревают своим теплом прекрасную пару, страстно целующуюся в башне над морем.